

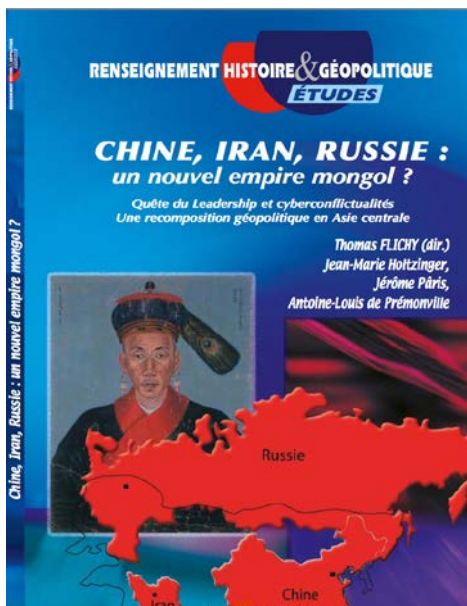
Лаборатория «**Будущие миры**» представляет:

**Тома Флиши, Жан-Мари Хольцингер,
Жером Пари, Антуан-Луи де Премонвиль**

КИТАЙ, ИРАН, РОССИЯ: НОВАЯ МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ?

**Поиск главенства и кибер-конфликты: геополитическое
воссоединение в Центральной Азии**

Книга опубликована издательством Lavauzelle в серии «Разведка, история и геополитика» в 2013 году



Сокращенный (без примечаний) перевод с французского Виталия Крюкова, Киев, Украина, 2013.

Оригинал: CHINE, IRAN, RUSSIE: un nouvel empire mongol? Quête du leadership et cyberconflictualité: Une recomposition géopolitique en Asie centrale

Laboratoire Mondes Futurs (Auteur), Thomas FLICHY (dir.) (Auteur), Jean-Marie HOLTZINGER (Auteur), Jérôme PÂRIS (Auteur), Antoine-Louis de PREMONVILLE (Auteur)

Collection: Renseignement Histoire et Géopolitique, Lavauzelle (1 juin 2013)

(На обложке: Ямантар. Портрет вождя монгольского племени. Из собрания национальных музеев)

О книге:

20 марта 2013 года Институт политики внутренней безопасности определил, что виновниками кибернетических атак, дестабилизирующих американские системы безопасности, являются китайские, российские и иранские хакеры. Китай, Россия и Иран не только расширяют и усиливают кибернетические вторжения, но и все больше сотрудничают сегодня в области новых технологий. В нынешней ситуации, характеризующейся стиранием границ, собираются ли эти три страны основать новую Монгольскую империю или же они наоборот тщетно пытаются сохранить свои сферы регионального влияния?

В отличие от политического строения Чингисхана, объединившего Евразию изначально из тюрко-монгольского центра, эти союзники как раз окружают ту площадь тюркской цивилизации, от которой они в свое время отделились. Этот прагматичный союз, основанный на китайско-иранской оси, осуществляется в форме взаимной геополитической поддержки, тесного сотрудничества с российским энергетическим «тылом», и распространением того видения мира, которое является противоположным нашими собственным стереотипам. Чуждые химере выхода своих культур за пределы их традиционных ареалов с помощью отмены границ, Китай, Россия и Иран могут из своей собственной истории почерпнуть достаточно причин, чтобы существовать лишь в одной форме: в форме континентальной крепости, сопротивляющейся океанической глобализации.

Помимо отсутствия достаточного доступа к морям и недостаточной морской мощи, новая империя, однако, страдает из-за разнообразных слабостей, таких, например, как демографическое ослабление, или порой из-за различий интересов стран, составляющих ее. Остается открытым также вопрос: сможет ли она внезапно пошатнуть и даже перевернуть вверх дном наши геополитические позиции еще до того, как мы узнаем о самом ее восстановлении.

Об авторах:

Это эссе было составлено лабораторией «Будущие миры». Его авторами и редакторами являются Тома Флиши, профессор Особой военной школы Сен-Сир, Жан-Мари Хольцингер, специалист по китайско-российским отношениям, офицер Жером Пари, и Антуан-Луи де Премонвиль, доктор филологических наук и цивилизаций.

* * *

«Когда империя Севера и империя Юга превратятся в руины, и исчезнут и Белый царь России, и Сын Неба Китая, тогда поднимется новый Чингисхан, чтобы создать новую Монгольскую империю»

(Михаил Правдин (настоящее имя Михаэль Хароль, 1894-1970, немецкий писатель родом из России) в книге «Монгольская империя и Тамерлан», 1937, стр. 281)

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ

ВВЕДЕНИЕ

КАРТОГРАФИЯ НОВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

Тюркоязычный остров, ключ к контролю над новой Монгольской империей
Перенесение энергетических потоков в направлении новой Монгольской империи
Новая Монгольская империя против океанических держав: кибернетическая война

ГЛАВА I. ИРАН И КИТАЙ КАК ЯДРО СОЮЗА И РОССИЯ КАК ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

ИРАН И КИТАЙ – ЯДРО СОЮЗА

Непрерывные связи вопреки имперским катаклизмам
Персидское торговое посредничество между Китаем и Западом
Иран пользуется китайской политической поддержкой
Иран помогает Китаю своими творческими способностями
Китай восстанавливает одряхлевшие творческие способности персов
Пути и пограничные территории

ИРАН-РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОЛЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Российская империя и Персия: времена влияния (1466-1917)
Русские офицеры как агенты влияния при дворе Мохаммада Али-шаха
Более сбалансированные ирано-советские отношения (1917-1991)

РОССИЯ И КИТАЙ, ОТ ВЗАИМНОГО НЕПОНИМАНИЯ ДО ОБОЮДНОЙ
ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

Поглощение Сибири до достижения Китая
Контакты под знаком враждебности

РОССИЯ, ПЕРСИЯ И КИТАЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Российский деспотизм противостоит персидскому и китайскому порядку
Российская дикость против персидской и китайской утонченности
Русский мистицизм против персидского лицемерия или китайского реализма
Россия-завоевательница против мирных Персии и Китая

ГЛАВА II. МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОТряСЕНИЯ

Монголия до монголов

Тэмуджин, «Царь Вселенной»

Хан Хубилай основывает династию Юань

Империя Ильханидов

Ханство Чагатай

Золотая Орда

Безумная мечта генерала барона фон Унгерн-Штернберга

ГЛАВА III. ИРАН, КИТАЙ И РОССИЯ: ПРАГМАТИЗМ ПРЕВЫШЕ ИМПЕРСКИХ ГРЕЗ

Неоспоримое китайско-иранское сближение сильно отличается от более натянутых дипломатических отношений между Ираном и Россией?

Продажа оружия в российско-иранских и китайско-иранских экономических отношениях

Китайско-российская поддержка развития мирной ядерной программы Ирана

Туманная дипломатическая позиция Китая и России в отношении ядерной программы Ирана

Нефть и газ в основе экономических отношений

ГЛАВА IV. ИНФОРМАЦИОННО-КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО?

КИТАЙ, РОССИЯ И ИРАН: ОБЩИЕ ИДЕИ

Трио Иран-Китай-Россия рассматривается как фактор мира или нестабильности

Сговор между иранской, российской и китайской прессой

РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ НА ПРИМЕРЕ НЕДАВНИХ КРИЗИСОВ

Китай, Иран и Россия: относительно одинаковый подход к сирийскому конфликту

Французская интервенция в Мали: осторожность китайцев

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Китайский нейтралитет коренится в мудрой прозрачности

Русская манера прямой речи связана с российской традицией авторитарной власти

Иранские провокации объясняются менталитетом осажденной крепости

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЭПИЛОГ

Авторы

К ЧИТАТЕЛЮ

17 апреля 2031 года в 23 часа 38 минут на первом этаже Елисейского дворца внезапно погасло электричество. Президент Республики, который как раз собирался закончить поздравительное письмо новому Великому герцогу Люксембурга, на несколько секунд устроился в глубине своего кресла, затем загремел хриплым голосом: «Тортичелли!» Несколькими секундами позже появился главный уполномоченный военно-морских сил по административной части, тоже белый как мел. Этот адъютант очень не любил сюрпризов. Потому он делал все возможное, чтобы дни в «замке» проходили как можно более гладко. Доверяясь своей интуиции, Тортичелли раболепным голосом успокоил своего шефа, затем быстро спустился по главной лестнице, чтобы позаботиться о восстановлении электроснабжения. Тем не менее, нетрудно было заметить, что ни один из фонарей, обычно освещающих пригород Сент-Оноре, не горел. По истечении трех минут президент открыл окно и несколько раз вдохнул свежий воздух. Париж внезапно погрузился в ночь. За пятнадцать минут до полуночи раздалось три мощных взрыва: электростанции поочередно вышли из строя. Странная одноактная пьеса для необычного спектакля. При свете свечей в офицерском кабинете собирается маленький антикризисный комитет. Как только Тортичелли получил приказ вызвать начальника личного президентского штаба, он устремился к своему телефону. Тут он внезапно вспомнил, что генерал Презелен в настоящее время находится с визитом в Особой военной школе Сен-Сир. Возможно, ему удастся связаться с ним там в это позднее время.

Как раз в этот момент Презелен на самом деле наслаждался ужином в Сен-Сире. Принимавший его там генерал Виттенберг, который командовал школой уже почти восемь месяцев, пригласил в этот вечер несколько офицеров, начальника главного управления, босса с ясными глазами из «центра», и странного шотландского археолога с рыжей бородой: Майкла Фолкнера с Британских островов. Презелен, старый солдат, был настолько доволен отдыхом, что позабыл обо всех своих заботах. Полковник Отпай рассказывал о своих невероятных приключениях в Экваториальной Гвинее. Черные глаза Виттенберга сияли от радости. Во время кофе торжественно принесли первые медовые соты из ульев генерала. Презелен пробовал их с наслаждением, когда зазвонил телефон. Тут же через весь большой салон пронеслась какая-то тень. И спустя несколько секунд перед глазами гостей предстала Галежад, забавная собака военной школы, с мобильным телефоном в зубах. Презелен деликатно взял аппарат, чтобы случайно не причинить боль животному. Присутствующие по его голосу очень быстро поняли, что произошло что-то очень серьезное. Шокированный Елисейский дворец требовал объяснений: какая держава нанесла внезапный кибернетический удар по Фран-

ции? Презелен спокойным голосом ответил, что он даст ответ через два часа, затем отключился.

Когда разгорелась очень живая геополитическая дискуссия, единственным источником света был огонь в камине. За очагом постоянно следил старший капрал Лафлер, бывший легионер, который некогда участвовал в кампании в Мали в составе 1-го кавалерийского полка Иностранного легиона. Для Отпайя причиной затемнения была совместная атака Китая, России и Ирана. Фолкнер утверждал обратное, мол, сближение этих стран никоим образом не смогло бы привести к синхронной атаке. Презелен молча слушал их и делал пометки.

На рассвете начальник личного штаба Президента закончил свой доклад. Без электричества и каких-либо средств связи ему пришлось искать машину, чтобы приехать в Париж. Но совершенные электронные системы машины внезапно оказались заблокированы. Презелен бушевал, он пытался дозвониться до Елисейского дворца, но телефон звонил в пустоту. Виттенберг колебался недолго: он вызвал майора де ля Рюэзи, вручил ему ценную желтую папку, и приказал сесть верхом на Уругвая, своего наилучшего коня, чтобы доставить доклад в Париж за три дня.

(Военная академия Сен-Сир находится в городке Гер в Бретани. – прим. пер.)

О содержании этого доклада не просочилось никакой информации. Все, что мы знаем, это то, что он позволил избежать катастрофы. Впрочем, как Фолкнер, так и Отпай оба прочитали справочный материал, датированный 7 мая 2013 года и озаглавленный «Китай, Иран, Россия: новая Монгольская империя?» Срок давности истек, и мы можем сообщить его содержание публике, чтобы она в своем воображении смогла восстановить ту странную дискуссию, которая состоялась в ночь с 17 на 18 апреля 2031 года в салоне генерала Виттенберга.

ВВЕДЕНИЕ

В одном футуристическом материале, описывающем Европу 2000 года, газета «L' Illustration» в 1900 году опубликовала странную гравюру с изображением вторжения китайской кавалерии на равнины Европы. На самом деле Китай может завтра объединить континент, один край которого он образует, гораздо более мирным способом: путем формирования стратегического альянса с Ираном при энергетической поддержке России. Очевидно, Иран, Китай, как и Россия, представляются тремя полюсами сопротивления океанической глобализации.

(В российской геополитике обычно употребляют термин не «океанический», а «атлантистский». Речь и в том, и в другом случае идет о «Sea Power», но для тихоокеанского Китая термин «атлантизм» представляется нелогичным. – прим. перев.)

Не представляет ли собой сближение между этими древними цивилизациями благословение рождения новой Монгольской империи в самом сердце Центральной Азии?

По многим причинам Китай, Иран и Россия вряд ли смогут восстановить ту древнюю Монгольскую империю, которая в прошлом объединяла их в своеобразную федерацию. И на самом деле: в отличие от тринадцатого века эти три цивилизации сегодня как раз окружают тот «остров» тюркской цивилизации, которая некогда и собрала вокруг себя эти страны. Китай продолжает свою политику сдерживания тюркских меньшинств в Синьцзяне, Россия изо всех сил пытается контролировать алтайские народы на Кавказе.

(Северокавказские народы в большинстве своем не относятся к алтайской языковой семье. – прим. перев.)

Иран, со своей стороны, рассматривает Турцию как своего регионального конкурента.

Во-вторых, эти три страны страдают от структурной демографической слабости, которая в долгосрочной перспективе помешает им в осуществлении своего господства. Несмотря на эти недостатки, эти государства могут почерпнуть из своих культур огромный потенциал инноваций. Поэтому Монгольская империя могла бы возродиться сегодня в форме очень прагматичного союза трех держав, заинтересованных во взаимной поддержке. Кристаллизация такого союза является навязчивой идеей Соединенных Штатов, которые заинтересованы именно в том, чтобы эти страны как можно дольше оставались разделенными. Несмотря на все эти старания, этот союз родился. В 2001 году Китай и Россия основали Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), одной из главных целей которой является противодействие влиянию США в Центральной Азии. Таджикистан является одним из ее членов-учредителей. К нему в 2005 году присоединился Иран, а в 2012 году Афганистан. Это означает, что все персоязычные народы мира сейчас являются частью альянса. С населением в полтора миллиарда человек на площади 26 миллионов квадратных километров, Шанхайская организация сотрудничества располагает 50% мировых запасов урана и 40% – угля. Именно в рамках этой организации проводились совместные военные маневры и осуществлялись научные обмены в области медицины и нанотехнологий. Это тихое соглашение между Ираном, Китаем и Россией, однако, остается незаметным по причине культур этих стран. Оно, в конечном счете, проявляется только в

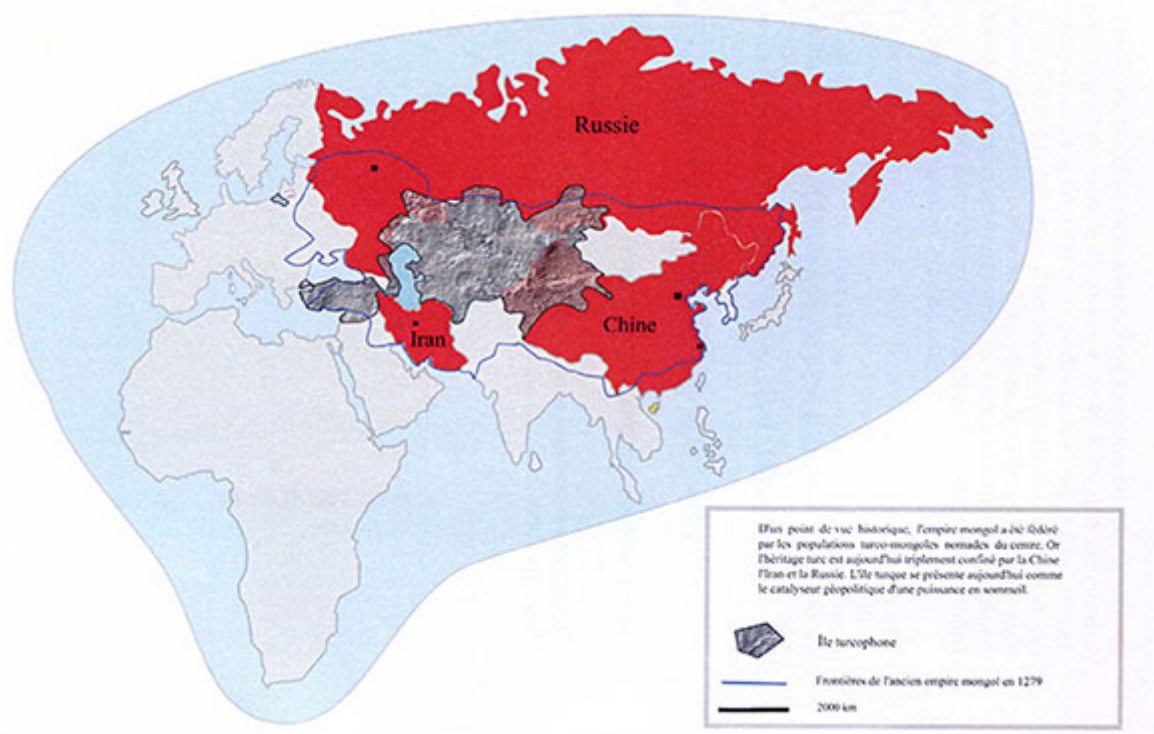
обходных маневрах вокруг периферийных конфликтов, например, в Сирии и Северной Корее.

Новая Монгольская империя, контуры которой стремится наметить это эссе, следовательно, не может рассматриваться как «мертвая зона» на неизбежном пути к умиротворяющей глобализации. Основанный на древнем союзе между персидской и китайской цивилизациями, этот альянс опирается на общее происхождение, полагается на общие геополитические интересы и, самое главное, распространяет такое видение мира, которое противоречит нашим собственным стереотипам. Потому настолько важно то, что полное осознание сочетания их интересов является ключом к пониманию часто неправильно интерпретируемого мира завтрашнего дня.

КАРТОГРАФИЯ НОВОЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Тюркоязычный остров, ключ к контролю над новой Монгольской империей
2. Перенесение энергетических потоков в направлении новой Монгольской империи
3. Новая Монгольская империя против океанических держав: кибернетическая война

Тюркоязычный остров, ключ к контролю над новой Монгольской империей

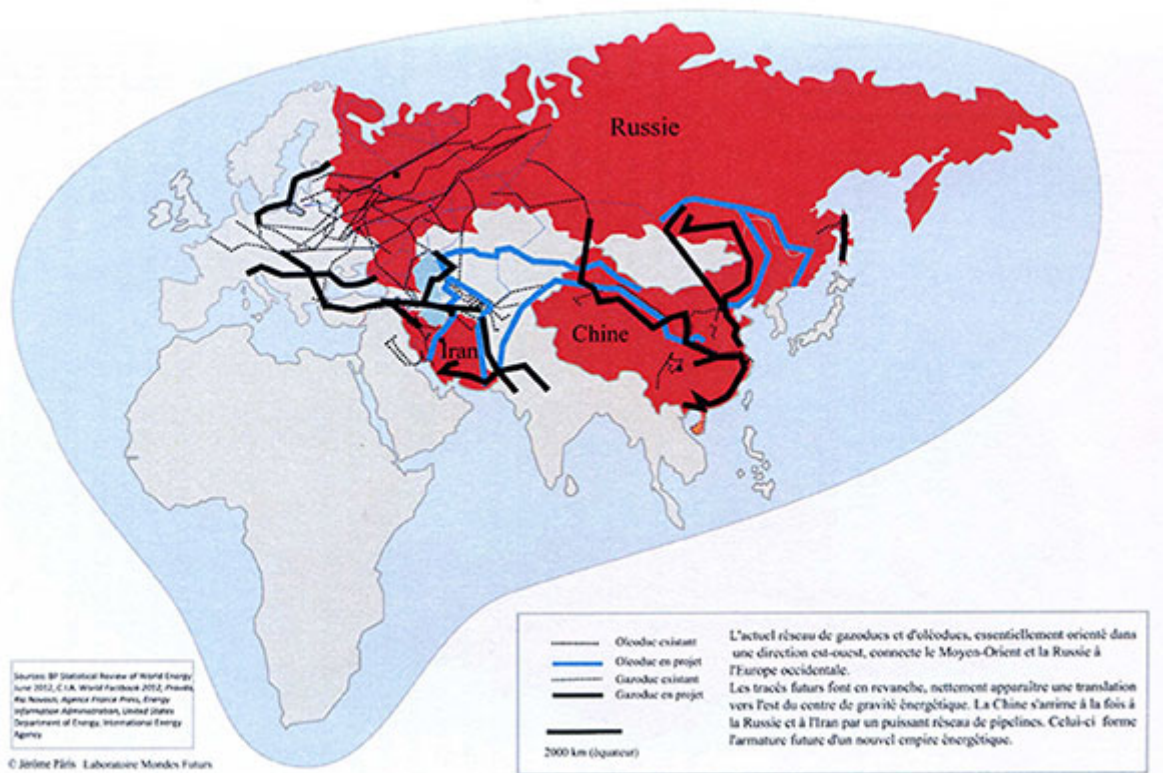


С исторической точки зрения Монгольская империя была объединена находящимися в ее центре тюрко-монгольскими кочевыми народами. Однако ее

тюркское наследие в настоящее время разделено между тремя странами: Китаем, Ираном и Россией. Собственно тюркский остров представляется сегодня геополитическим катализатором пока еще спящей мощи.

Серым цветом выделен «тюркоязычный остров», синяя линия – границы древней Монгольской империи по состоянию на 1279 год.

Перенесение энергетических потоков в направлении новой Монгольской империи

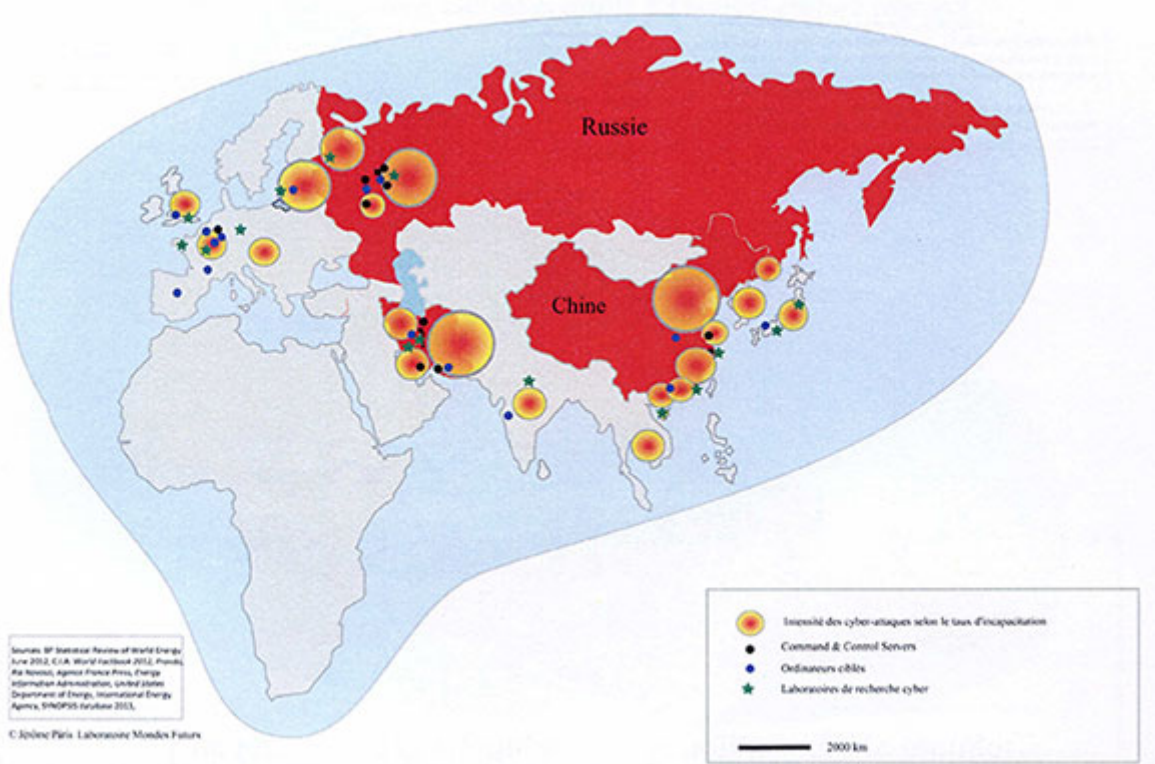


Нынешняя сеть газопроводов и нефтепроводов, по существу, ориентированная в направлении Восток-Запад, связывает Ближний Восток и Россию с Западной Европой.

Зато будущие энергопотоки явно демонстрируют перенесение энергетического центра тяжести на Восток. Китай связывается одновременно с России и с Ираном мощной сетью трубопроводов. Они формируют каркас будущей энергетической империи.

- существующие нефтепроводы
- _____ проектируемые нефтепроводы
- — — существующие газопроводы
- _____ проектируемые газопроводы

Новая Монгольская империя против океанических держав: кибернетическая война



Желто-красными кругами обозначена интенсивность кибератак в соответствии с выводом из строя электронных систем.

Черными точками обозначены серверы управления и контроля, синими точками – компьютерные цели, зелеными звездочками – кибернетические исследовательские лаборатории

ГЛАВА I. ИРАН И КИТАЙ КАК ЯДРО СОЮЗА И РОССИЯ КАК ЕГО ПЕРИФЕРИЯ

Тома Флиши

Если Монгольская империя и была ужасающей военной авантюрой, она, тем не менее, оказалась всего лишь временным отклонением в истории Центральной Азии. Действительно, с исторической точки зрения союзы между Ираном, Китаем и Россией были достаточно редки, чтобы империи, объединяющие эти три цивилизации, представляли собой только исключения из постоянного правила разделения евразийского континента. С этой точки зрения, Иран является ключевым элементом союза, как из-за своей очень древ-

ней гармоничности, объединяющей его с китайской цивилизацией, так и из-за своей объективной взаимодополняемости с Россией. Следовательно, необходимо противопоставить ядру китайско-иранского союза российскую периферию, которая смогла бы неожиданно стать резервуаром сил, если ей удастся успокоить персидскую одержимость иностранным заговором, готовящегося против Ирана, и, главным образом, рассеять подозрения китайцев по отношению к северным варварам. Эти неравные отношения, впрочем, были темой комментариев европейцев еще в XVIII веке.

ИРАН И КИТАЙ – ЯДРО СОЮЗА

Несмотря на превратности, которые осложняли историю этих стран, Китайской и Персидской империям удавалось поддерживать между собой непрерывные связи с незапамятных времен. На первый взгляд это объясняется хорошо понятными торговыми интересами. Эти отношения сопровождались и сотрудничеством империй, выражающимся во взаимной политической поддержке. Помимо такой поддержки, Персия и Китай стимулировали друг друга в сфере технологий и искусства. Эти разнообразные связи развивались специфическими путями, в частности, по Великому шелковому пути.

Непрерывные связи вопреки имперским катаклизмам

Постоянные вторжения чужеземцев, от которых страдала Персия, как и внутренние раздоры, присущие Китаю, не помешали этим двум цивилизациям поддерживать на протяжении веков практически непрерывный контакт. Периоды наивысшего взлета их сотрудничества выпадали на эпоху Сасанидов, на время правления монголов и на современность. Первое китайское свидетельство о парфянском Иране исходило от путешественника Чжан Цяня в 126 году до н.э. Этот китаец описывает Иран как очень передовую городскую цивилизацию, располагавшую серебряными деньгами с изображением правителя, и подробными королевскими архивами. Во втором веке до н.э. народ «с длинными носами и глубокими глазами» принимает участие в акклиматизации зороастризма, буддизма и несторианского христианства в Китае. Морские торговые связи с Китаем продолжают существовать во времена династии Сасанидов, о чем свидетельствуют археологические находки персидских монет на юге Китая. Тринадцать персидских посольств одно за другим приезжали к Императору Китая. Обе державы сотрудничали в то время как в торговле, так и в сферах дипломатии и искусства. Однако исламское завоевание Персии ослабляет и приостанавливает связи между обеими странами. После Таласской битвы (751 год), в которой перс Зияд ибн Салих нанес поражение Гао Сяньчжи, главнокомандующему войск династии Тан, отношения между пер-

сами и китайцами принимают спорадический характер. И лишь с монгольским завоеванием в тринадцатом веке их связи становятся очень интенсивными, в частности, в сфере географии и астрономии. Во времена правления династии Сефевидов (1501-1732) связи между Персией и Китаем ослабляются, по мере того, как узбеки блокируют сухопутный путь, соединяющий Иран с северо-западным Китаем, а европейцы берут под свой контроль морские коммуникации. Китай, тем не менее, остается главным источником художественного вдохновения для персидских мастеров. В двадцатом веке, несмотря на тесные отношения между Ираном шаха Мохаммеда Реза Пехлеви и США, Иран восстанавливает свои торговые связи с Китаем. Установление официальных дипломатических отношений 17 августа 1971 года способствует увеличению товарооборота.

(Автор здесь имеет в виду отношения Ирана именно с коммунистическим Китаем Мао Цзэдуна, а не с Тайванем. – прим. перев.)

Этим отношениям не мешает и Исламская революция в Иране, так как в 1982 году сотрудничество становится еще более интенсивным. Следовательно, политические катаклизмы Ирана и Китая только в слабой степени повлияли на их взаимоотношения: несмотря на изменения режимов, их связи продолжают непрерывно. Экономические взаимоотношения между обеими странами частично объясняют это постоянство.

Персидское торговое посредничество между Китаем и Западом

В период между пятым веком до н.э. и эпохой Возрождения Персия играет фундаментальную роль коммерческого посредника между Китаем и Западом. Великий шелковый путь, который на протяжении примерно тысячи лет соединял город Чанъань в Китае с Сирией, действительно проходил транзитом через Персию. Географическое положение Парфянской империи, расположенной между Римской Империей и Китаем, очень быстро обеспечивает ей положение посредника. Римляне приобретают через парфян шелк, который они страстно любят, а также драгоценные камни, фарфор, шерстяные и льняные ткани, нефрит, янтарь и слоновую кость. Иранские купцы делают все, чтобы помешать прямым контактам между Римом и Китаем морским путем. Однако уже в 130 году до н.э. 120 кораблей ежегодно курсируют между Египтом и Дальним Востоком. В этом контексте те войны, которые Рим вел против Парфии, объясняются желанием положить конец прибылям нежеланных торговых посредников. Со своей стороны, китайцы нуждаются в закупках больших и сильных лошадей, называемых ими «небесными конями», чтобы бороться против северных кочевых племен. Этих коней им поставяет Парфянская империя. Китайские правители, вроде императора У, особенно

интересуются развитием связей с утонченной городской цивилизацией, полагающей население, многочисленным и жадным до китайских товаров, но неспособным защитить себя военной силой.

Великий шелковый путь – главная жертва морской революции эпохи Возрождения. Устанавливая прямые морские связи с Китаем, европейские государства лишают персов роли посредника. Сегодня, с потенциальным ростом опасности для морской торговли, Иран пытается вернуться к своей традиционной роли торгового посредника. Это облегчается тем, что Персия и Китай издавна оказывали друг другу и политическую поддержку.

Иран пользуется китайской политической поддержкой

Параллельно с торговыми связями, установленными с иранскими посредниками, Китай регулярно предоставлял Персии политическую поддержку. Поэтому неудивительно, что последний суверен династии Сасанидов шахиншах Йездигерд III, зажатый между западными тюрками с Востока и арабами с Запада, отправил в 638 году посольство к Императору Китая. После того, как этот персидский правитель в 651 году был убит, его сын Пероз (Фируз) укрылся в Токарестане, и попросил помощи у Китая. Вначале он не получил никакой помощи, но после поражения китайцев в борьбе против западных тюрков в 659 году, Пероз был признан наместником Персии. Неспособный сопротивляться арабам, он нашел убежище при дворе Тана между 670 и 673 годами.

Можно назвать и современный пример, иллюстрирующий поддержку, которую Китай оказывает Ирану: в 1987 году, когда распространился слух, что Иран установил ракетные комплексы в Ормузском проливе, именно китайцев подозревали в том, что это они продали ракеты иранцам. Дипломатические контакты между обеими странами в конце 1980-х годов действительно были очень тесными. Геополитический сговор между Ираном и Китаем объясняется по большей части тем, что эти страны в течение истории стимулировали друг друга своими нововведениями.

Иран помогает Китаю своими творческими способностями

До исламского завоевания и во времена монгольского религиозного отклонения Персия стимулировала Китай своим творческим началом. В китайской культурной ареале персидское художественное влияние достигло высшей точки во время династии Тан, которая соответствует концу эпохи Сасанидов.

Например, фрески Дуньхуана шестого и седьмого веков включают сасанидские элементы, такие как всадники, охотящиеся на львиц. Иранское искусство времен Сасанидов оказало также влияние и на металлургию эпохи Тан, как и на искусство фресок. Об этом свидетельствуют рисунки, украшающие могилы принцев Ли Чжунчжуня (682-701) и Ли Сяня (654-684). Китай смог воспользоваться плодами творчества персов сасанидских времен до падения династии в такой степени, что персидские пища, одежда, меблировка, музыка и танец получили большой успех в Китае восьмого века. После исламского завоевания творческие способности персов все больше ослабевают и прекращают оказывать стимулирующее влияние на китайские искусство и идеи.

Некоторое изменение ситуации происходит, впрочем, во время монгольского завоевания: деисламизация, проведенная завоевателями, действительно снова стимулирует новые идеи и открытия, особенно в научной области. Китайцы пользуются персидскими морскими картами, чтобы расширить свои знания об обитаемом мире. С другой стороны, персидский астроном Джамал ад-Дин аз-Зайди аль-Бухари, который уже однажды посетил Китай, возвращается туда в 1267 году и преподносит астрономические инструменты в дар двору императора из династии Юань. Персидские ученые пользуются монгольским миром, чтобы внедрить в Китае алхимию, математику, медицину, фармакологию и даже евклидову геометрию. Таким образом, Китай позаимствовал для себя многое из созидательных способностей персов, как времен позднего зороастризма, так и тринадцатого века.

Китай восстанавливает одряхлевшие творческие способности персов

С другой стороны и сам Китай с седьмого века превращается в исключительно мощный толчок для исламизированного Ирана. Интерес, проявленный персами к Китаю, материализуется, в частности, в средневековой персидской литературе в виде многочисленных упоминаний о шелке, фарфоре и китайской керамике. Персидская поэзия часто ссылается на китайских художников и скульпторов. Китайские принцессы, о которых упоминают персидские стихи, по своей красоте ничуть не уступают греческим царевнам. В области изобразительного искусства китайская пейзажная живопись стимулирует персидских художников эпохи Ильханидов.

Они подражают искривленным стволам китайских художников, их стилизованным скалам и горам, или имитируют их метод изображать волны и реки. Творческий стимул, принесенный Китаем, касается многочисленных сфер, но особенно поразителен он в области керамики: до девятого века персидские гончары делают лишь практичные керамические изделия для домашнего хозяйства, которые не лакируют и обжигают при низкой температуре. Но после

соприкосновения с китайским индивидуальным производством, персидские мастера начинают создавать декоративную керамику, которая должна была продаваться как предмет роскоши. К середине девятого века персидские ремесленники значительно улучшили свои изделия и создали новый рынок для городских классов. В эту эпоху, когда исламская глиняная посуда все-таки по-прежнему обжигается при низкой температуре, персидские мастерские довольствуются тем, что воспроизводят китайские изделия, которые больше всего ценят за их красоту. В двенадцатом и тринадцатом веках, между тем, новый китайский импорт приводит к важнейшим технологическим изменениям на рынке керамики Ближнего Востока. Этот созидательный взрыв был уникальным в мировой истории – за исключением развития промышленного производства керамической посуды в английском Стаффордшире в восемнадцатом веке. Иран ввез так много изделий из белого и голубого фарфора династии Мин в 1400-1430 годах, что это надолго определило персидский вкус. И вот, в семнадцатом веке Республика Соединённых Провинций Нидерландов импортирует много фарфора с Востока, чтобы удовлетворить растущий европейский спрос. Китай не может удовлетворить этот спрос в полном объеме, потому голландские купцы добавляют к китайским товарам и персидскую керамику. В Европе эти персидские керамические изделия слывут за подлинный китайский фаянс. Получается, что Китай так стимулировал иранских ремесленников, что превратил их в своих же конкурентов на европейском рынке.

Пути и пограничные территории

С географической точки зрения связи между Китаем и Персией не являются непосредственными и предполагают усмирение территорий, принадлежащих менее торговым и более воинственным цивилизациям, будь то индийский, афганский или тюркский мир. Эти две цивилизации должны были опереться на согдийцев, которые в значительной степени обеспечивали торговлю между Китаем и Западом с шестого по восьмой век. Хозяева Трансоксианы (Мавераннахра), они взимают многочисленные пошлины, которые обогащают города Самарканда и Бухары. Несмотря на присутствие этих полезных посредников, Персия и Китай совместно работают над строительством цепи оазисов-крепостей, расположенных на периферии пустыни и у подножия высокогорий. Регион китайского Туркестана, который теоретически находится под суверенитетом императора Китая, часто потрясают беспорядки по причине трудности содержания там достаточно сильных гарнизонов. Таким образом, практическое соединение Персии и Китая осуществляется через их совместные военные усилия.

Итак, несмотря на свою часто хаотичную историю, Китай и Персия сумели с древнейших времен поддерживать очень продолжительные связи друг с дру-

гом. Персия долго была коммерческим посредником Китая, пользуясь взамен его политической поддержкой, так же как и его творческими способностями. Эти разнообразные связи направлялись по сухопутному пути и по игравшему восторженную роль морскому пути.

Китайско-иранскому взаимодействию противостоит определенное недоверие между Китаем и Россией.

ИРАН-РОССИЯ: СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОЛЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Сотрудничество между Россией и Ираном рождается поздно и развивается отнюдь не по прямой линии: со второй половины пятнадцатого века и до Первой мировой войны Россия оказывает на Персию свое имперское влияние. Оно в то время основывается исключительно на военных, обладающих очень тонкими знаниями о персидской цивилизации. Однако после русской революции отношения между обеими странами вновь уравниваются в пользу Ирана.

Российская империя и Персия: времена влияния (1466-1917)

С пятнадцатого и по начало двадцатого века Россия распространяет свое влияние на юг Кавказа в сторону Персии. В 1466 году русский купец Афанасий Никитин пересекает Персию, направляясь в Индию, и описывает это путешествие в своем дневнике. В 1623 году другой русский купец Федор Кротов был отправлен в Персию с заданием описать дороги и города. Эти первые контакты, тем не менее, остаются лишь эпизодическими: только начиная с правления Петра Первого (1689-1725) рассказы русских о Персии становятся подробными. Россия действительно пользуется внутренними раздорами, присущими Персии, чтобы распространить свое влияние на юг. В 1715 году Петр Первый посылает в Персию молодого офицера Артемия Волынского с целью собрать стратегическую информацию для русской торговли и исследования возможности заключения военного союза против Османской империи. Русских тогда особенно интересует положение различных народов Кавказа и их отношения с центральной властью. Приход к власти Надиршаха вынуждает русских, ослабленных смертью Петра Первого, вернуть Ирану прикаспийские провинции Гилян, Мазендаран и Астраба (Рештский договор 1732 года).

С 1781 года возобновляется стремительная русская экспансия, с морской экспедицией графа Марко Ивановича Войновича в восточной части Каспийского моря и попыткой обеспечить безопасность торгового пути в Бухару. На

самом деле только в конце восемнадцатого века русские смогут прочно закрепиться в Закавказье. Подточенное внутренними политическими дрязгами, правительство династии Каджаров оказывается неспособным открыто противостоять и даже в полной мере осознать ту угрозу с Севера, которую представляет собой императорская Россия. Ослабленный и обанкротившийся шахский двор во времена Фетх Али-шаха вынужден был подписать в 1813 году знаменитый Гюлистанский мирный договор, за которым последовал второй, Туркманчайский договор в 1828 году после поражения Аббаса-мирзы в его попытках обезопасить северные границы Персии. На протяжении двух войн с Персией Российская империя продолжает свой прорыв к Югу. В результате Гюлистанского и Туркманчайского договоров на западных границах, неожиданной смерти Аббаса-мирзы в 1823 году, и убийства великого визиря Персии Мирзы Абулкасима Каима Макама Персия теряет свою традиционную опору в Центральной Азии в пользу армий русского царя. Русские армии занимают берег Аральского моря в 1849 году, берут Ташкент в 1864, Бухару в 1867, Самарканд в 1868 и Хиву и Амударью в 1873 году.

Русско-персидская конвенция 1881 года заканчивает раздробление Персии на части в пользу наступающей державы, которой становится Российская империя. Этой экспансии очень опасается Великобритания, которая страстно зарится на Персию и Центральную Азию, чтобы закрепить свои позиции в английской Индии. После этого ситуация неожиданно меняется, когда русские подписывают с англичанами англо-русское соглашение 1907 года, которое делит Иран на две зоны влияния: русскую на севере и британскую на юге, что на определенное время прекращает Большую игру. Границы между обеими державами стабилизируются в ущерб пребывающей под чужим влиянием Персии.

Русские офицеры как агенты влияния при дворе Мохаммада Али-шаха

Для укрепления своего влияния в Персии Россия опирается на офицеров с глубокой культурой, тщательно отобранных российским Генеральным штабом. Перед тем как их направили в Персию, большая часть из них служила на Кавказе или в Центральной Азии. Некоторые посылают свои тайные донесения в Генштаб. Эти аристократы учились в университетах или в высших военных училищах Российской империи. Составленные ими документы этого периода концентрируются на темах, которые в основном интересовали русскую армию: состояние дорог на севере и на северо-востоке Персии, их проходимость на тот случай, если русским войскам понадобится двигаться по ним. Эти записи подробно описывают персидскую армию, ее численность, ее вооружение и ее слабости, а также уровень коррупции персидских чиновников. Россия пользуется услугами этой группы культурных офицеров для того,

чтобы оказывать решающее влияние на персов. В феврале 1907 года военный врач Садовский из казачьей бригады был назначен личным врачом Шаха. Этот русский доктор помогает Мохаммаду Али-шаху осуществить его государственный переворот 1908 года против парламентского строя.

Правительство России не останавливается на достигнутом. Оно отбирает среди многочисленных кандидатов капитана Константина Николаевича Смирнова, которому предстояло стать учителем и воспитателем шаха. Императорское правительство фиктивно отправляет Смирнова в отставку, и 1 июля 1907 года он прибывает в Тегеран. Как выдающийся знаток Центральной Азии и особенно Персии, Смирнов публикует многочисленные труды о персидской истории и культуре. Его «Записки воспитателя персидского шаха 1907-1914» представляют собой очень подробный отчет об истории персидско-русских отношений.

(Константин Николаевич Смирнов (1877-1938), военный востоковед; полковник. Родился в городе Темирханшуре Дагестанской обл. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1897). В 1903 прикомандирован к штабу Кавказского военного округа. Востоковедное образование получил на офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД (1900-1903), изучал турецкий, персидский и арабский языки. В 1901 году командирован для совершенствования языковых и страноведческих знаний в Турцию. Во время пребывания в Константинополе познакомился с В.Ф.Минорским, впоследствии известным востоковедом-иранистом. Продолжительное время состоял с ним в переписке, получил высокую оценку своих научных работ. В 1904 году совершил поездку по Северному Курдистану с целью рекогносцировки путей, ведущих к российской границе, и сбора военно-статистических сведений. Помощник начальника разведывательного отделения штаба округа (1906). В 1907 командировался в Тегеран в распоряжении чрезвычайного посланника и полномочного министра при Персидском Дворе Н.Г. Гартвига. Исполнял обязанности воспитателя Солтан Ахмад-мирзы, наследника персидского престола. Использовал открывшуюся возможность для сбора сведений о политическом и военном положении Персии. Участник Первой мировой войны, состоял в органах разведки Кавказской армии. Военный комендант г. Баязид (1915), штаб-офицер при штабе русского экспедиционного корпуса в Персии (ноябрь 1915), начальник разведывательной части в городе Трабзон (дек. 1916). В 1918 уволен со службы. После Гражданской войны некоторое время работал в военном архиве Тбилиси, переводчик при штабе одной из частей РККА в Батуми (1921-1923). Арестован и содержался в тюрьме (июнь-сентябрь 1923), освобожден. Переводчик при штабе РККА в Тбилиси (1924), научный сотрудник грузинского филиала ИЯМ АН СССР (1933). Прделал большую работу по описанию восточных рукописных коллекций Кавказского музея. Автор значительного числа работ по истории, этнографии, источниковедению Кавказа, Персии и Турции. В мае 1937 уволен с работы, повторно арестован (январь 1938) и в том же году репрессирован).

<http://vostokoved.academic.ru/549/%D0%A1%D0%9C%D0%98%D0%A0%D0%9D%D0%9E%D0%92,%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D1>

%82%D0%B8%D0%BD_%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87

Смирнов регулярно отправлял донесения в штаб Кавказского военного округа о положении при дворе. Следовательно, маленькая кучка русских офицеров сыграла главную роль в воздействии России на Персию, и это было еще до революции 1917 года.

Более сбалансированные ирано-советские отношения (1917-1991)

Русская революция привела к очевидному изменению баланса взаимоотношений в пользу Персии. 26 октября 1917 года Всероссийский съезд Советов действительно принимает решение о расторжении неравных договоров. Англо-русское соглашение 1907 года, следовательно, признано недействительным. После прекращения военного конфликта русские войска уходят из Персии, позволив ее народу свободно определять свою судьбу. В марте 1918 года русские закончили вывод своих войск. В Персии остаются только русские войска, которыми командует генерал Николай Николаевич Баратов. Он отказывается повиноваться советским приказам и решает подчинить свои войска англичанам. Англия на самом деле пользуется Гражданской войной в России, чтобы добиться для себя привилегий в Персии. Она противится смене царского посла в Персии советскими представителями.

26 февраля 1921 года в Москве официально был подписан советско-иранский договор: Россия возвращает Персии железнодорожные пути, дороги, телеграфные линии и портовые сооружения. В 1929-1933 годах советское экономическое присутствие в Персии уменьшается, по мере того как усиливается присутствие немцев. Однако после вступления в войну Россия снова возвращается к своей традиционной роли оказания воздействия на Персию: 25 августа 1941 года советские войска вступают в Иран через Кавказ и Центральную Азию, в то время как английские войска входят на юг страны.

После Второй мировой войны ирано-американское сближение тормозит сотрудничество Ирана с СССР. Сотрудничество восстанавливается только в 1963 году. Техническое сотрудничество переживает развитие с приходом к власти президента Али Акбара Хашеми Рафсанджани в 1989 году.

Итак, русско-иранские отношения из оказания влияния превратились в партнерство. Их сотрудничество, которое развивается в настоящее время, объясняется существованием подлинной взаимодополняемости между двумя неравными по своим размерам государствами. В отличие от этого, отношения между Китаем и Россией долгое время страдали от зависти между равными.

РОССИЯ И КИТАЙ, ОТ ВЗАИМНОГО НЕПОНИМАНИЯ ДО ОБОЮДНОЙ ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

Расположенные с обоих краев Евразии, очаги русской и китайской цивилизаций установили обоюдный контакт только со сравнительно недавнего времени. России, по сути, пришлось поглотить весь тот огромный резервуар пространства и богатств, который представляет собой Сибирь, прежде чем дойти до Китая в 1640 году. Отношения между этими двумя странами с тех пор характеризуются несомненным соперничеством, прерываемым заключением союзов тогда, когда обеим странам требуется защищать их общие интересы.

Поглощение Сибирь до достижения Китая

Начиная с эпохи Возрождения, русские с большим расходом сил, не пытаясь опираться на местное население, завоевывали Сибирь для того, чтобы торговать с Китаем. В начале шестнадцатого века туркестанские татары подчинили племена, живущие к востоку от Урала. Кожевники, купцы, крестьяне и муллы Туркестана колонизировали этот регион, и их княжества появились на реках Иртыш и Обь. Очень скоро эти тюркские государства вступили в конфликт с Москвией. В 1550-х годах Россия завоевала татарские Казанское и Астраханское ханства, тем самым присоединив к себе регион Волги. Стремительное продвижение на восток финансировали богатые купцы Строгановы, которые получили от царя огромные владения вблизи от Урала вместе с налоговыми льготами. Эти купцы организовали массовое переселение русских и развивали сельское хозяйство, охоту, добычу соли, разведение рыбы, а также разработку недр Сибири. Семен Строганов разработал военную организацию, предназначенную для защиты его новых территорий от нападений татар. Этими войсками командовал Ермак Тимофеевич. В 1581 году Ермак начал свой поход вглубь Сибири с войском из 1500 человек. Он неоднократно наносил поражения войскам хана Кучума. Несмотря на контрудар хана, в результате которого Ермак утонул в реке Вагай, царь Иван IV закрепился как правитель этих новых территорий.

После Ермака отряды охотников каждый год смело отправлялись в эти края, негостеприимные, но богатые дичью. Несмотря на замедление исследований в начале семнадцатого века из-за внутренних беспорядков в России, движение продолжалось по инициативе казаков, охочих до мехов и до слоновой кости. Эти люди помогли русским дойти до Северного Ледовитого океана.

(Автор явно имеет в виду бивни мамонтов, сохранившиеся в сибирской мерзлоте. – прим. перев.)

Завоевание ускорилось в течение семнадцатого века, по мере того, как уровень развития встреченных русскими племен был обратно пропорциональным их удаленности от Московии. К 1640 году русские, завоевавшие большую часть Сибири, устроились в бассейне реки Амур. Китайские армии отбросили этих искателей приключений, пока соглашение не установило мир на базе торгового договора в 1689 году. С конца восемнадцатого века торговые связи между Россией и Китаем начали развиваться. В те времена купцы двух народов для общения между собой использовали своеобразный русско-китайский диалект, так называемый кяхтинский язык. Границы между обеими державами стабилизировались в ущерб тюркскому миру: китайцы контролировали Синьцзян, начиная с 1750-х годов, в то время как русские расширяли свои владения в Казахстане с начала девятнадцатого века. В 1851 году Кульджинский договор установил правила торговли в этом регионе.

Контакты под знаком враждебности

Начиная со Второй Опиумной войны (1858), отношения между Россией и Китаем характеризовались взаимной враждебностью. Айгунский договор, подписанный 28 мая 1858 года, зафиксировал границы русского Дальнего Востока. Конечно, этот договор предусматривал и обеспечение обоюдных интересов обеих держав: реки Амур, Сунгари и Уссури были открыты только для русских и китайских судов. Также и территорией, ограниченной с запада Уссури, с севера Амуром, с юга и востока Японским морем, Китай и Россия управляли совместно. Между тем, напряженность возрастала с каждым днем: когда в 1868 году Россия попыталась выгнать китайских золотоискателей с территории, которую она отныне контролировала, ей пришлось пережить несколько нападений китайцев на ее города и гарнизоны на Дальнем Востоке. Даже в 1870 году китайские войска изгнали русских из Синьцзяна. Вследствие Боксерского восстания Россия, которая в союзе восьми наций приняла участие в этом конфликте, своей сотысячной армией захватывает Манчжурию, что надолго вызвало озлобленность местного населения.

Несмотря на китайскую (1912) и русскую (1917) революции, враждебность продолжалась. Китайское правительство поддерживало белые армии против большевиков. Китайский генерал Сюй Шучжэн тоже воспользовался слабостью Советов, чтобы оккупировать Монголию в 1919 году, прежде чем его прогнали монголы. Со своей стороны Советы, начиная с 1921 года, поддерживали Гоминьдан в его борьбе против китайского правительства.

Поворот Китая к коммунизму в 1949 году только на короткий период сблизил оба государства. С конца 1950-х до 1980-х годов между обеими странами вновь обострилась вражда. В 1964 году Мао Цзэдун заявил, что в СССР произошла контрреволюция, и что там вновь установлен капитализм. В 1968 го-

ду напряженность стала настолько серьезной, что СССР развернул большие массы своих войск вдоль китайской границы, в особенности напротив Синьцзяна. Эта напряженность несколько смягчилась после смерти Мао Цзэдуна в 1976 года. В этом контексте хорошие отношения, которые поддерживают обе нации с 1991 года, представляются скорее исключением, чем правилом.

Русская и китайская цивилизации, долгое время бывшие чуждыми друг другу по причине большого расстояния, разделявшего их, сблизилась только сравнительно недавно. Отношения, начавшиеся в 1640 году, как правило, были отмечены знаком враждебности, за исключением тех случаев, когда интересы обеих стран совпадали в определенных вопросах. Как это объяснить?

РОССИЯ, ПЕРСИЯ И КИТАЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Даже если литература восемнадцатого века и признает имперское родство между Россией, Персией и Китаем, то четкая разграничивающая линия, похоже, противопоставляет наступающую Россию старым персидской и китайской цивилизациям. Это противопоставление касается как политической, бытовой, религиозной, так и военной культуры этих государств.

Российский деспотизм противостоит персидскому и китайскому порядку

Для европейских путешественников в России царь предстает в роли деспота. Они приписывают его авторитарность природе народов, которыми он управляет. «Русский родился с чувствами рабства; он повинует только потому, что он вынужден, он походит на тигра, который лижет руки своему хозяину, пока он на цепи, но как только он оказывается на свободе, разрывает его на части». Кажется, что русские сами желают раболепства: «Московит зол по своей природе, и угодливость, в которой он вскормлен, соединяется с порабощением, для которого они, кажется, родились, что заставляет судить о них скорее как о зверях, чем как о разумных людях».

В отличие от бояр, которые бьют друг друга кнутами на улицах Москвы, царь укрепляет свою власть насилием и капризами своего изменчивого настроения. Власть правителя настолько деспотична, что жизнь, поместья и земли подданного не могут перейти от отца к сыну без его согласия. Русские знают, что самый важный вельможа империи является не меньшим рабом, чем его конюх, и что только от фантазии его Государя зависит перепутать хозяина с его слугой.

В глазах европейцев жестокая расправа Петра Первого с майором Степаном Глебовым иллюстрирует деспотизм царя. Глебова заживо посадили на кол на глазах публики на большой площади Москвы. Затем Петр Первый приблизился к нему, и заклинал сознаться в его мнимом преступлении. Глебов небрежно повернул голову к этому Государю и, выслушав его увещевания, заявил: «нужно быть таким же дураком, как и тираном, чтобы поверить, что раз я ни в чем не захотел признаться при неслыханных муках, которым ты подверг меня, то сейчас, когда у меня нет больше надежды на жизнь, я опозорю невиновность и честь добродетельной женщины, за которой я никогда не знал никакой другой вины, кроме той, что она любила тебя. Уйди, чудовище, добавил он, плюнув ему в лицо, убирайся прочь, и дай мне умереть с миром».

Русскому деспотизму противопоставляются две азиатские монархии, озабоченные исключительно миром.

(Ряд ученых считает, что Петр Первый не присутствовал лично при казни майора Глебова. – прим. перев.)

В отличие от русских царей персидских шахов, как и императоров Китая, в восемнадцатом веке представляли как монархов, придающих большое значение общественному порядку. С шестнадцатого и по конец восемнадцатого века персидское государство действительно рационализирует администрацию для того, чтобы обеспечить эффективность гражданских властей. Со временем государство прекращает не прямое управление провинциями. Например, так как провинция Фарс была далека от границы и ей, следовательно, не угрожала военная агрессия, ее губернатор был отозван. Его отныне напрямую руководил управляющий шаха. Во время правления шаха Абаса II (1642-1646) эта практика была распространена в Казвине, Гиляне, Мазандаране, Йезде, Кермане, Хорасане и в Азербайджане. Губернаторов назначают только в случае военной угрозы. Одновременно центральный административный персонал становится все многочисленнее. Множество шахских служащих населяют двор. Например, существует даже официальная инстанция, ответственная за музыку при дворе: «наккаре-хане». Она была организована в очень иерархическом духе и занималась музыкой во славу правителя. Эта административная централизация сопровождается целым трактатом, оправдывающим укрепление бюрократической системы.

Поучительные и любопытные письма иезуитов в Китае тоже подчеркивают тот порядок, который царит в империи. Он опирается на эффективные силы полиции, сформированные из военных. Попав в Пекин, иезуиты отмечают, что улицы в городе ровные, прямые как стрела, и что там царит удивительный порядок, несмотря на множество жителей. Полиция действительно очень многочисленна, потому что преступления редки: «За несколько лет лишь очень редко мы слышали об ограблениях домов или убийствах людей. Это верно,

что мы наблюдаем там столь большой порядок, что невозможно, чтобы эти виды преступлений совершались там с какой-то безнаказанностью». В Пекине есть комендантский час: «Как только раздается первый удар большого колокола, один или два солдата ходят взад-вперед от одного караульного помещения до другого, как будто прогуливаясь, и постоянно играют на своеобразной трещотке, чтобы люди знали, что они бодрствуют. Они не разрешают никому ходить по ночам, и они спрашивают даже того, кого сам Император послал для некоторых дел. Если его ответ дает им повод для наименьших подозрений, его задерживают и отводят в караульное помещение. Впрочем, отряд в этом караульном помещении должен откликаться на все крики часового, который стоит на посту. Это красивый порядок, который соблюдается с большой точностью, из-за чего мир, тишина, и безопасность царят во всем городе».

Китайский порядок, как и древность персидского государства, следовательно, противопоставляется российскому деспотизму. Впрочем, эта разница в политике, кажется, коренится в обычаях жителей.

Российская дикость против персидской и китайской изысканности

Невежливые и жестокие, грубые и невежественные москвиты представляются европейским путешественникам как народ, нечувствительный к цивилизации по причине отсутствия образования и воспитания. Этот дикий характер, кажется, тщательно поддерживался в них от рождения до смерти: «Ребенка, который еще не приучен к воздуху, которым мы дышим, даже в самый разгар зимы, совсем голого или лишь чуть-чуть прикрытого, относят в общественную баню, где его убивают, когда моют и обдают кипятком. Все поры открываются, все фибры ослабляются, и в этом состоянии, не довольствуясь тем, чтобы подвергнуть его суровости мороза, опрокидывают ему на голову ледяную воду и даже катают его в снегу». Если детей приучают к теплу и к холоду, то это для того, чтобы сделать их «более неуязвимыми к ударам времен года, чем Ахиллеса – к ударам копий и стрел».

Брак почти не смягчает обычаев русских, которые совсем не претендуют на верность: «Муж выгоняет жену из своего дома; она уходит в другой квартал города и там сочетается браком с другим человеком, который тоже ее прогоняет; она берет третьего; этот снова ее бросает; она проходит таким образом через несколько рук, и часто после своих походов находит возможность примириться со своим первым мужем и счастливо жить с ним».

Здесь пьянство не щадит никого: «Порок пьянства, одинаково распространен у русского народа во всех сословиях, между мужчинами и женщинами, ста-

рыми и маленькими, духовными и светскими, выше и ниже, до такой степени, что вид пьяного человека, который валяется в луже — здесь явление обычное». Люди низкого происхождения не довольствуются тем, что остаются в кабаке, до тех пор пока не оставят там последнюю копейку из своего кошелька, очень часто они там оставляют даже свою одежду. Адам Олеарий сообщает по этому поводу, что, будучи в Новгороде в 1643 году, он часто видел, как эти пьяницы выходили из кабака, одни без шапки, другие без чулок, без башмаков, и даже без камзола и рубашки. Он увидел между прочим одного, кто вышел без рубашки. Но встретив одного из своих друзей, который направлялся в кабачок, он возвратился туда с ним, и не вышел оттуда, пока не оставил там и свою ночную сорочку. Спустя некоторое время он вышел из кабака совершенно голым, «прикрывая свое тело пучком цветов, которые он собрал около двери». Следовательно, не является большим стыдом для мужчин и женщин, и даже для попов, если их увидят пьяными посреди улицы. «Когда женщины с положением в обществе трапезничали вместе, та, которая устраивала этот обед, на следующий день отправила самого старшего из ее слуг узнать новости о тех, кто были там, и смогли ли они найти свой дом и как они провели ночь. Обычный ответ, если они благодарят ее за хорошую еду, что они так веселились в предыдущий день, что они сами не знают, как они смогли найти свой дом». Даже похороны не избегают этого бедствия: после того, как гроб опустили в могилу, люди возвращаются в дом покойника, где для них уже готов ужин, где скорбь часто топят в медах и водке». Короче, в рассказах путешественников, нет ничего более грубого, более варварского и невежливого, нежели эти люди.

(Немец Адам Олеарий был в России в 1634 и 1636 годах. Нужно отметить, что как минимум до конца шестнадцатого века в Московии практически был «сухой закон», и пили там только по праздникам. Скорее центрами пьянства в стране были слободки иностранных купцов. Более того, и в Европе тех времен наибольшими пьяницами считались именно немцы. Можно сказать, что алкоголизация в России нарастала одновременно с ее «вестернизацией». Пьянство было неотъемлемой чертой Европы тех времен, и Россия, к сожалению, как обычно заимствовала с Запада самое худшее. — прим. перев.)

В противоположность России считавшиеся наиболее утонченными и цивилизованными дворами Востока Персия и Китая представлялись как две державы, где изысканность синонимична превосходству. Для Жана Шардена лучшим примером придворного оказывается придворный в Исфахане: «Персидские придворные служат с такой же и даже большей прилежностью, чем в любом другом месте мира». Им от природы свойственны гибкость и податливость, разум их легкий и интригующий. Они любезны, милы, учтивы, хорошо воспитаны. Если оставшийся в одиночестве перс может позволить себе некоторое ослабление, то стоит ему встретиться с другим человеком, как к нему тут же возвратится его естественная любезность: «если иногда, по причине

жары, оставаясь в одиночестве или только с менее значительными людьми чем они сами или их слуги, они и снимают платок или тюрбан для того, чтобы освежить голову, то стоит лишь появиться кому-то, кому надо продемонстрировать честь или уважение, они тут же покрывают голову, и в этом вопросе я могу похвалить их, и т.д.». Для религиозных капуцинов, Персия, следовательно, представляется как одна из моделей изысканности манер.

Но она все-таки кажется менее приобщенной к культуре, чем Китай, Империя, вежливость которой, кажется, достигает вершин. Приветствие особенно вычурно у элиты: «Когда два гуаня или два мандарина (китайских чиновника) встречаются на улице, если они равны друг другу, они приветствуют друг друга не оставляя свой стул и не вставая, вначале опуская свои сомкнутые руки, и затем поднимая их к своей голове; они повторяют это много раз, до тех пор, пока не потеряют друг друга из виду».

Вежливость разделяется всем населением. Можно заметить «приятные и честные» манеры во всех сословиях. Ремесленники, слуги, даже крестьяне обращаются друг к другу с приветствием, делают друг другу комплименты, становятся на колени одни перед другими, когда они прощаются, и не упускают ничего из тех обычаев, которые предписывает китайская вежливость. Правила приличия в жестах и в словах придают, тем не менее, такую любезность, которая заставляет китайцев скрывать или даже заглушать злопамятство. Это придает им внешний лоск, «показной и приукрашенный», в чем они превосходят многих придворных Европы, отсюда и критика со стороны французов: «китайская вежливость стала ничем иным, как обменом гримасами, пантомимой лжи, вероломства: отсюда эта бесстыдная лесть, которая заставила дать созданию нашего людского рода, Императору Китая, титул Сына Неба». Эти обычаи – настоящее принуждение для европейских путешественников: «Если и нет такого случая, когда китайская вежливость не была бы утомительна и скучна для европейцев, то в особенной мере она такова на праздниках, потому что там все происходит с длительными приветствиями и церемониями». Таким образом, французские миссионеры противопоставляют свои «легкие и свободные манеры» принужденной вежливости Китая.

Русский мистицизм против персидского лицемерия или китайского реализма

В России деспотизм кажется уравновешенным искуплением святых. Московиты описываются как набожные люди и добровольные мистики: «Когда москвит входит в дом, он не скажет ни слова, пока не найдет образ Святого; и если он совсем его не найдет, то он спросит, где Бог? И как только он его заметит, то кланяется ему с глубоким уважением, и только после этого он поворачивается к компании, и здоровается с ней». Эта религиозная набож-

ность иногда бьет по власти царя. Жан Перри рассказывает следующую историю о Великолорусском государстве: «Во времена тирана Ивана Васильевича жил один святой и заставлял уважать себя упреками, которые он делал этому Государю о его грешной жизни. Иван Васильевич, которому это надоело, отправил его в монастырь, столь удаленный от Москвы, что он больше мог не опасаться его упреков; но тот своим пером делал то, чего не мог уже сделать его язык, и он время от времени изображал Божий суд в глазах Великого князя, и такими яркими красками, что Государь, не желавший больше поддерживать эту свободу, послал одного из своих слуг его задушить. Сей палач нашел этого человека совершенно готовым к смерти, но тот попросил его, чтобы вместо того, чтобы задушить его веревкой, он ударил его ножом в сердце, что тот и сделал. Монахи того же монастыря причислили его к числу святых мучеников и похоронили его тело на Соловецких островах в Белом море, у Архангельска, где, как говорили, он совершает много чудес».

(Видимо, речь идет об истории митрополита Филиппа II (Федора Колычева). – прим. перев.)

Путешественники противопоставляют русскому мистицизму менее религиозные культуры Персии и Китая. Для Шардена персидский шиизм отмечен печатью лицемерия. Действительно, несколько механизмов, присущих Исламу, позволяют использовать законное употребление лжи по отношению к неверующим. «Такия» (taqiyya), что означает «страх Бога» или «святость» является приемом, состоящим в том, чтобы скрывать свою принадлежность религиозной группе и тайно исповедовать религию во избежание преследований.

Коран говорит, что те, кого толкнут к отступничеству, будут прощены. «Такия», следовательно, может стать правилом поведения в подавляемых шиитских меньшинствах. «Китман» (kitman; утаивание, ложь с помощью умолчания) и «ходех» (khod'eh; уловка, состоящая в том, чтобы говорить о своей позиции скорее полуправду, нежели настоящую ложь) это тоже очень употребительные методы. Наконец, одна из норм поведения, предписанных персидской вежливостью – «ходжб» (hojb), выражение, связанное со словом, означающим покрывало, хиджаб (чадру, паранджу). «Ходжб» состоит в том, чтобы временным и метафорическим способом скрывать свои желания, как бы окутывая их покрывалом. Практика сокрытия, которая объясняется завоеванием Персии иностранными правителями, следовательно, нашла религиозное обоснование в Исламе.

(Нужно добавить, что описанные выше явления свойственны именно исламу, но не имеют никакого отношения к собственно иранским доисламским обычаям. Они принесены персам арабами во время насильственной исламизации. При этом, однако, персы сохранили в очень значительной степени арийские честность и благородство, чего, увы, нельзя сказать о современных европейцах. – прим. перев.)

Со своей стороны, у китайской религиозной практики нет никаких иных конечных целей, кроме предоставления конкретных ответов на проблемы момента. Астрология распространена до такой степени, что императоры запретили практиковать ее где-либо, кроме императорского двора, из-за страха, что их противники используют ее, чтобы определить периоды их слабости и попытаться их свергнуть. Астрология служит исключительно для того, чтобы знать наилучшее время для сева или жатвы. Иезуиты отмечают, что «рынки заполнены астрологами, к которым китаец обращается за консультацией в каждом случае. Он не вступит в брак, он не родит ребенка, не переговорив с астрологом». Однако народ, «обладающий живым разумом, испытывает сомнения из-за тщеславия этих сект». За исключением астрологии, он действительно следует рациональному методу, в котором доходит до совершенства. Приверженность к здравому смыслу выражается в отклонении предвзятых мнений, так распространенных в обществе: «Люди пристрастны по отношению к своим родителям и тем, кого они любят; они также пристрастны или несправедливы по отношению к тем, кого они презирают и которых они ненавидят». Стремление к справедливому и беспристрастному суждению о других, в конечном счете, является наилучшим способом придерживаться фактов.

Россия-завоевательница против мирных Персии и Китая

В восемнадцатом веке модернизация России вызывает настоящие геополитические опасения. Для графа Франческо Альгаротти «Испания и Россия обе могут быть странами, расположенными наиболее выгодно для того, чтобы давать законы миру. Одна, разместившаяся в середине Океана и Средиземного моря и, естественно, хозяйка Гибралтара, защищена Пиренеями с единственной стороны, которой она касается континента. Другая, расположенная между Азией и Европой, с границами, сама природа которых сделала большую их часть недоступной, впрочем, в других местах ей в качестве защитного вала служит слабость ее соседей, и она может легко расширяться с той стороны, где она более всего может надеяться на свои преимущества. Но на что способна одна, с ее шестью- семью миллионами жителей, и другая с населением меньшим, чем у Франции, если она по своим размерам в двадцать раз больше ее?»

Итак, коммерческие связи с Китаем со временем усиливаются: «Из всех народов Европы, только одна Россия торгует с китайцами сухопутным путем. Также только она получает их товары взамен своим; другим они поставляют их только за серебряные деньги. Отправляясь из Санкт-Петербурга до Пекина, они там торгуют и возвращаются назад. Караван туда и назад идет три года. Он проходит через Тобольск, столицу Сибири, где он останавливается.

Затем он поворачивает в землю тунгусов, через Иркутск, и пересекает озеро Байкал и пустыню, которая ведет к Великой стене. В пустыне его встречает китайский мандарин во главе нескольких сотен солдат, которые сопровождают караван до Пекина».

С другой стороны, усилия, предпринятые Россией в восемнадцатом веке для получения доступа к морю, представляются как главное геополитическое потрясение. Царь имеет обыкновение говорить, что он почти не стремится к приобретению новых земель и ищет только воду. Однако рост военноморской мощи России осуществляется не без трудностей: судоходство на Каспийском море весьма трудно из-за отсутствия портов и якорных стоянок. Наконец, создание флота основывается на долгосрочной политике: «Любой князь, у которого есть люди, может быстро превратить их в солдат. Земледелец, крестьянин легко приучается к маршам, к теплу, к холоду, к усталости и к военным упражнениям. Но матросов так создать нельзя; нужно, чтобы они с детства были привычны к морскому воздуху».

В отличие от России, Персия и Китай отличаются мирными культурами. В Персии военная аристократия, разбитая арабами еще в седьмом веке, давно уступила место торжеству купцов. Там нет никакой необходимости возвращать свою шпагу Парламенту, чтобы посвятить себя торговле: вельможи, да и сам шах торгуют, в большинстве случаев располагая своими купеческими судами и своими складами. Персидский монарх отправляет на продажу в соседние страны шелк, парчу, ковры и драгоценные камни. Миссионер Рафаэль дю Ман отмечает, что этот дух распространяется на всю шахскую администрацию: «все думают только о деньгах и великий визирь делает все возможное, чтобы пополнить королевскую казну». Жан Шарден, который и сам был купцом, восхищается распространением и организацией торговли: «В Персии есть купцы, у которых есть приказчики во всем мире; и эти приказчики, когда они возвращаются, служат своему хозяину с подчиненностью слуг».

Со своей стороны, китайские трактаты о стратегии, к которым обращались иезуиты в восемнадцатом веке, предпочитают сражениям мирное урегулирование разногласий. Война на самом деле может быть только в ущерб Империи и ее военачальникам: «Нельзя долго держать войска в походе, не нанося очень большого ущерба государству, и не нанося смертельного ранения своей собственной репутации». Ведение войн на протяжении многих лет вредит государству. Война действительно представляется как показное расточительство, которое чаще всего заканчивается только днем триумфа и славы. Те, кто полагаются на сражения или осады, чтобы побеждать, плохо выполняют свою работу офицера и вредят государству. Итак, китайские мандарины не подвергают опасности свою репутацию, чтобы установить мир. Потому нужно

избегать сражений, или же они должны быть короткими и решающими, чтобы военачальник смог насладиться их преимуществами. Следовательно, военачальник должен направить всю свою энергию на достижение мира. Таков, в любом случае, совет мудреца.

Итак, деспотичной, дикой, мистической и воинственной России противопоставляются Персия и Китай, две державы, которые наоборот характеризуются порядком, изысканностью, религиозной слепотой и поиском мира.

Отношения между Персией, Россией и Китаем можно таким образом разделить на три связи с убывающей интенсивностью: сильные гармоничные связи, поддержанные изысканными цивилизациями Персии и Китая, являются противоположностью реальному недоверию между конкурирующими империями Китая и России. Между этими двумя, хорошие русско-иранские отношения объясняются вполне понятными взаимными интересами. В этом контексте Иран, сильно связанный с Китаем, и в меньшей степени с Россией, выступает в роли ключевого элемента. Еще нужно, чтобы он смог искусно объединить своих двух конкурирующих союзников. С этой точки зрения распад Монгольской империи показывает нам, что в этом пари нет ничего очевидного.

ГЛАВА II. МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОТряСЕНИЯ

Антуан-Луи де Премонвиль

Если мы останемся едиными, мы завоюем весь мир

Берке, хан Золотой Орды

История монгольских завоеваний это, прежде всего, история величественной евразийской империи, которая для нас, европейцев, остается неизвестной и сильно пропитанной клише, напрямую исходящими из страха, который эти свирепые воины внушили людям Средневековья. Но помимо мифов интересно, все-таки, рассмотреть реальность этой политической сущности, которая была бесконечно сложнее и утонченнее, чем те варварские орды, к которым многие хотели бы ее свести. Ведь она могла вести сложные дипломатические игры и поддерживать такие разнообразные и широкие культурные и торговые связи с китайским, арабо-персидским, славянским, европейским, и, главным образом, с тюркским миром.

Монголия до монголов

Прежде чем стать базой для самых фантастических завоевательных войн в истории, эта столь же дикая, сколь и недружелюбная страна, как и нынешняя Монголия, была предметом жесткой борьбы между народами, которые не имели, однако, ничего общего с алтайскими народами. Киргизы (кыргызы), кочевое индоевропейское, но тюркоязычное племя, происходившее из района реки Енисей, подчинив уйгуров, действительно господствовало на плато Центральной Азии примерно в восьмом веке нашей эры. Этот регион верхней Монголии был ничем иным, как священной землей тюрков «Отюкень», омываемой реками Орхон, Селенга и Тола (Туул). Вопреки законной привязанности к этой земле, киргизы не сумели на ней удержаться. Воспользовавшись слабостью киргизов, кидани (китани), небольшой народ, происходящий из Манчжурии, который до тех пор подчинялся господству тюрков-уйгуров на западе, китайцев на юге, и корейцев на востоке, захватил в 924 году столицу киргизов Кара-Балгасун. После этого у киргизов не осталось другого выбора, как снова вернуться в долину Енисея, из которой они вышли. «Древняя священная земля тюрков принадлежала уже не тюркам, а монголам».

Для киданей это было началом впечатляющего непрерывного ряда завоеваний в Китае и в Корее. Крушение династии Тан и большие междоусобицы, которые разрывают Китай – в последующий период он делится на десять царств – позволяет киданям не только захватить все территории, расположенные севернее Хуанхэ (Желтой реки), но также присвоить себе титул империи, который они сохраняют до 1125 года (династия Ляо). В сравнении с уже городским, урбанизированным Китаем, располагавшим огромными богатствами, и где их власть не была утверждена, пустые степи настоящей Монголии выглядели жалко в глазах новых Сыновей Неба, которые быстро «китаизировались», как в политическом, так и культурном плане.

«После чего, хозяева порта, хозяева острова, не зная, что с этим делать, по правде сказать, очень гражданским способом», как сказал бы об этом Виктор Гюго, кидани предложили уйгурам, которых они изгнали, вернуться назад, чтобы управлять этой бедной провинцией от их имени. Предложение, которое уйгуры, богатство которых уступало их гордости, отвергли. Тем не менее, эта видимость успеха не могла скрыть неустойчивости империи киданей, которая только поверхностно господствовала над этими огромными завоеваниями. Подточенная ссорами из-за прав наследования и другой внутренней борьбой между партиями, власть Ляо не смогла сконцентрироваться на опасности, которую представляло появление династии чжурчженей, Цзинь.

За несколько лет династия Ляо была сметена. Чжурчжени захватывают власть в Китае, в то время как последние кидани убегают на запад, где они

после ряда безрезультатных попыток отвоевать императорский трон расселятся, чтобы основать свое независимое государство, которое будет завоевано монголами только в 1218 году. Киргизы повернулись спиной к истории; кидани убежали на запад для непродолжительной передышки; уйгуры были уничтожены, в то время как китайцы терзали друг друга. В качестве реакции на эту пустоту народы, пришедшие из Манчжурии, все больше расселялись на этих землях, которые одно время носили их имя между десятым и двенадцатым веками, точнее установить невозможно. И именно в эту смутную эпоху и родился Тэмуджин.

Тэмуджин, «Царь Вселенной»

Трудно описать монголов того времени, когда родился Тэмуджин. Монголы не знали письменности до середины тринадцатого века, и чтобы узнать о них, нужно обращаться к китайским или персидским источникам, что, кстати, означает, что монголы, возможно, отнюдь не были столь темны, и что «мосты» между этими различными культурными полюсами существовали еще до завоеваний Чингисхана. Без сомнения легче было бы сказать, кем монголы не были. Действительно в двенадцатом веке все эти племена не образуют еще ни нации, ни царства, ни тем более империи. Кочевники меняли местоположение своей столицы в зависимости от времен года, и их образ жизни кажется несовместимым с понятием границ.

Много было написано, и написано неправильно, о необычайных деяниях Тэмуджина, этого легендарного завоевателя, ставшего Джингиз Каганом (Царем Вселенной), которого мы знаем под именем Чингисхана. Это вполне обычное дело, что в биографию Великого хана попали чудеса и эпизоды, не поддающиеся исторической проверке. Был ли он действительно сыном пятнистого Голубого Волка и Дикой Лани, как это утверждает монгольская хроника? На самом деле, это даже неважно для изучения нашей темы. Давайте оставим эти дискуссии экспертам по генеалогии. К сожалению, неопределенность характеризует не только его происхождение, но и, по крайней мере, первые тридцать лет его жизни – половину – о которых не существует никаких источников, кроме более поздней монгольской хроники, дошедшей до нас только в китайской или персидской версиях.

Какой бы ни была правда об его происхождении, некоторые факты бесспорны. Сын главы племени, родственно связанного с последним монгольским правителем, Тэмуджин женился на дочери главы другого могущественного племени. Благодаря очень тонкому пониманию политики и умелой игре с союзниками, он добивается первых военных успехов. За несколько лет он устраняет всех своих противников, приобретает уважение племен и становится единственным правителем Монголии. Как раз с этого момента начина-

ется великая эпопея того, кто получил титул Чингисхана. Территориальные приобретения все увеличиваются, когда мирным, когда насильственным путем.

Этот аспект, который слишком часто остается в тени, является, однако, фундаментальным. Потому что, как столь точно указывает Жан-Поль Ру, «в степных войнах побежденные сплавляются с победителями, придавая тем, как об этом говорил древний текст, «свою энергию и свои силы». Рядом с различными монгольскими племенами, которые составляли ядро войск Чингисхана и которых совсем нелегко было убедить, отныне оказывались, следовательно, и большие тюркоязычные народы: найманы, керейты, онгюты, карлуки, киргизы, уйгуры, татары, то есть, если предположить, что у каждого народа численность населения была одинакова, то на каждого монгола приходилось семь тюрков. Редкое явление: имя татар вскоре стало, к большому гневу самих монголов, обозначать все их объединенные орды, а позже и всех жителей степей Восточной Европы, Центральной Азии и Сибири, и закрепилось за ними отнюдь не только случайно, что позволяет увидеть значимость их роли».

Таким образом, «Монгольскую» империю нужно понимать не столько как мессианскую авантюру алтайских народов, сколько как тюрко-азиатскую эпопею с очень сильным китайским и тибетским влиянием. Сравнение не является доказательством, но точно как латины не были единственными авторами успехов Римской Империи, так и Монгольская империя не была творением одних только монголов. Впрочем, хотя ханы всегда сохраняли свою идентичность и монгольское ядро вокруг себя, они никогда не стеснялись окружать себя компетентными иностранными советниками, или присваивать себе элементы чужих культур.

И что уж говорить о бесспорном, непреодолимом очаровании Китая, которое по необходимости заставляет подумать о той привлекательности, которую смог осуществить греческий (эллинский) мир на другом цивилизационном полюсе. Китай, раздробленный, ослабленный, – это самая лакомая добыча для Тэмуджина. После царства Западное Ся, он принимается за Цзинь, тех самых, которые изгнали киданей. Так с новым поворотом истории люди степей вновь укрепляются на берегах Хуанхэ. Пекин пал в 1215 году. Династия Цзинь, не оправившись от этого, рухнула в 1234 году. Понимая, что для управления такой большой империей понадобится общий язык, Чингисхан навязывает ей свой собственный язык. Для этого он добивается принятия алфавита уйгуров, который уже сам попал под влияние китайского языка. Эта двусмысленная письменность, однако, так никогда и не сумеет найти свое место. Хан Хубилай, в свою очередь, попытается навязать новый алфавит, пагспа или «письмо Пагбы», созданный на основе китайского и тибет-

ского языков, но эта авантюра письменности, которая не пережила падения династии Юань, тоже так никогда и не заняла подобающего места в конкуренции с уйгурской и китайской «азбуками». Эта неудача второй иностранной династии после Ляо, показывает, что если Китай и покоряет своих завоевателей, он может оставаться недоступным для иностранных влияний.

Уйгуры приняли персидское манихейство и выдержали китайское влияние, они сохранили также остатки тюрко-монгольского анимизма. Что касается самих монголов, то они остались анимистами-шаманистами, с сильной тягой к магии и гаданию. Даже если определенные методы смогли нанести удар по чувствительности покоренных народов, тем не менее, Монгольская империя смогла доказать свою большую любознательность в вопросе религии, используя синкретизм по политическим причинам, но не только.

«У христиан, несториан, мусульман, даосистов и буддистов, у всех в тот или в другой момент были свои права, свои возможности и свои шансы. Первых монголов, между тем, больше привлекали магические влияния, чем религиозные идеи». Одно время возник интерес к буддизму (дхьяна, дзен, чань), к которому относились с уважением, потом распространились слухи, что практики некоторых течений даосизма, позволяют достигнуть бессмертия, и буддизм быстро отвергли. Если не считать алхимию, аскезу и другие магические приемы, влияние конфуцианства и буддизма сохраняется, тем не менее, в посланиях почтенных даосистов, приглашенных ко двору Царя Вселенной.

Однако монгольские взгляды были еще крепки; Тэмуджин не стал тем, кто предал бы Тенгри, бога неба, посланником которого считали его самого. К моменту смерти Чингисхана в 1227 году созданная им «из ничего» Монгольская империя распространяется на всю Центральную Азию. Трудно говорить о границах для иногда пустынных территорий, управление которыми, казалось, было бы иллюзорным желанием. Впрочем, монгольское влияние было бесспорным от Каспийского моря до Желтого моря. Осуществляя свой контроль над полосой длиной более чем 2500 километров, идущей вдоль негостеприимных северных границ Сибири на севере Китая, проходящей через земли Каракитайского ханства и Хорезма, монголы теперь устремляют свой взор на славянские княжества и Персидскую империю.

Первые преемники Чингисхана были блестящими продолжателями его дела. Они не только продолжают его завоевания, но и умеют поддерживать единство империи. На протяжении трех десятилетий, которые прошли под этим знаком, монголы осуществляют давление на юг Китая, на Персидскую империю, Анатолию и на Восточную Европу. Хан Мунке (Менгу), четвертый Великий хан, умирает в 1260 году. (Обычно год его смерти указывается как 1259. – прим. перев.)

С его смертью исчезает и единство Монгольской империи. После тяжелого династического конфликта брат Мунке Хубилай (Кублай) был, в конечном счете, провозглашен ханом, но он уже не может установить свою власть во всей Империи, которая разделена на четыре «нации» (улуса). Хубилай правит Китаем, где он основывает династию Юань. Его брат Хулагу, завоеватель Персии и Ирака, закладывает основы империи Ильханидов (Хулагуидов). В центре бывший удел Чагатая, второго сына Чингисхана, соответствующий бывшему Каракитайскому ханству, понемногу получает свою независимость. На северо-западе Бату (Батый), другой внук Чингисхана, ведет Золотую Орду в поход на Европу.

Хан Хубилай основывает династию Юань

Как мы уже раньше упоминали, интерес монголов к Китаю восходит еще к первым годам эпопеи Чингисхана. Покорив Западное Ся и Цзинь, монголы установили свое господство над севером Китая. Угэдэй, сын Чингисхана, продолжил его победоносный стремительный рост в четырех основных точках, вопреки своему легкомыслию и общеизвестному алкоголизму, мешавшим его действиям. Его племянник хан Мунке начал кампании против китайской империи Сун и Кореи, но главный результат был достигнут его младшим братом Хубилаем, который покрыл себя славой, особенно в Юньнани. Наконец, добившись после неизбежной ссоры за право наследования титула Великого хана, Хубилай смог стать хозяином всего Китая. Хотя он все больше принимал китайские обычаи в правительственной сфере с целью рационализировать управление своих областей, населенных ханьцами (этническими китайцами), ему пришлось столкнуться с мятежом китайской элиты. Хубилай смог подавить мятеж, но он усилил недоверие хана по отношению к этому народу. Однако хан Хубилай не остановил свою политику «китаизации», совсем наоборот. Основав китайскую династию (Юань), согласно китайскому праву и китайским обычаям, он дошел до того, что посмертно присвоил императорские титулы своим знаменитым предшественникам с целью вписать свой род в историю этой завоеванной чужеземцами страны. Но наиболее значительным событием этого культурного разрыва остается основание Ханбалыка (Пекина), который стал зимней столицей империи, тогда как монгольский Кайпин (Шанду) оставался летней столицей, но хан бывал там очень редко, и в реальности власть и элиты сконцентрировались в новой «Большой столице». Постепенно заброшенная, «Верхняя столица» была разрушена в 1358 году.

Хотя Хубилай был очень занят управлением огромной империей, которую можно было бы почти рискнуть назвать «двуглавой», он не мог справиться с зовом своей крови, толкающей его к завоеваниям. Однако успех монгольского оружия уже перестал быть постоянным. Завоевав Корею, он воспользо-

вался ею как плацдармом, чтобы попытаться вторгнуться в Японию. Чрезмерность предприятия, неприспособленность монгольского флота, боевитость японцев и боги привели к провалу этой мечты. Потому что именно «божественным ветром» («камикадзе») японцы называют бурю, рассеявшую монгольский флот, тем самым избавив их от вторжения, которое могло бы стать для них роковым.

Великому хану суждено было пережить и другой провал – во Вьетнаме в 1288 году. Конец правления Хубилая отмечен также робкими попытками монгольских князей, воюющих во всех уголках мира, добиться независимости; независимости, которая примет конкретные черты после его смерти.

Вопреки значительным усилиям по «китаизации», императоры династии Юань не сумели заставить забыть свои истоки. Некоторые монгольские традиции были чересчур сильно укоренены. «Красные повязки», мятежное движение, связанное с буддийской сектой Белого лотоса, подняло часть ханьского народа против власти. Чжу Юаньчжан, который стал первым императором династии Мин, сверг с престола династию Юань, когда ее власть уже была ослаблена. Хотя династия Мин и разыгрывала карту ханьского шовинизма против монгольских угнетателей, но, что интересно отметить, придя к власти, она не отвергла полностью наследие Юань, которое, нравится это или нет, являлось частью китайской истории. Далекий от того, чтобы вернуться к гипотетической чистоте, достойной эпохи Сун, период Мин отличался синкретизмом монгольских и китайских традиций.

Империя Ильханидов

Интерес монголов к тюрко-персидскому миру тоже исходит еще от самого Чингисхана. В эту эпоху рассыпается царство турок-сельджуков. Смерть сельджукского султана Мелик-шаха I спровоцировала распад государства. Правители провинций воспользовались этим, чтобы порвать с Портой и основать свои собственные династии. Среди этих государств турецкого происхождения Хорезм быстро захватывает большую часть персидского мира и становится протектором Багдадского халифата, управляемого династией Аббасидов. Но в то самое время, когда эта поднимающаяся держава достигает своего максимального расширения, она сталкивается с монголами, гнев которых она спровоцировала нарушением клятвы. Тогда движимый, вероятно, более самолюбием, чем жаждой завоеваний, Чингисхан пошел в поход на запад. За два года ужасной войны он захватил самые важные территории и такие символические города как Самарканд или Бухару. Угэдэй, сын и наследник Чингисхана, завершил завоевание разрушенного Хорезма. Хулагу, брат Мунке и Хубилай-хана, названный вице-королем (ильханом, буквально

«правитель народов») Ирана в 1253 году, основал династию Ильханидов (Хулагуидов).

Следуя традициям Чингисхана, новое государство ведет завоевательные войны. Пренебрегая угрозами мобилизации всей «уммы» (мусульманского сообщества) в случае, если Багдад подвергнется нападению, Хулагу бросился на завоевание халифата Аббасидов. Багдад разграблен, его жители истреблены – с одним очень примечательным исключением: кроме христиан; халиф казнен. Если этот эпизод и вызвал к Хулагу злобу мусульманского мира, то ему было также суждено глубоко разделить и сам монгольский мир. Для хана Берке, главы Золотой Орды, который обратился в ислам, случившееся представляется кощунством. Хулагу приходится с тех пор остерегаться своего недоверчивого родственника и укреплять границу между их государствами.

После Ирака Ильханиды направляют свои походы на Сирию. Но их завоевания там оказались весьма недолговечны. Для поддержки своего брата Хубилая, который в то время с трудом пытается установить свою власть, Хулагу перебрасывает свои войска на восток. Как только его фронт на Ближнем Востоке оказался ослабленным, мамелюки воспользовались этим, чтобы начать контрнаступление. Битва при Айн-Джалуте (1260 год) позволила мамелюкам вернуть Дамаск и Сектор Газа. Но помимо этих фактов самих по себе, эта битва имела и огромное символическое значение, так как она была первым крупным поражением монголов, которых до тех пор считали непобедимыми. Свидетели этой исламо-ильханидской войны крестоносцы из Сен-Жан д'Акр задумались о заключении союза с монголами как противниками их врагов и спешно отправили свое посольство к Хулагу. Это сближение должно было принять конкретные формы в виде брака его сына Абаки (Абаги), впрочем, убежденного буддиста, на дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога Деспине. Новый монарх, очень веротерпимый, как и все первые Чингизиды, проявил себя особенно доброжелательным по отношению к христианам, в то время как подавляющее большинство его народа было мусульманами. Но династическим и религиозным ссорам суждено было все больше и больше ослаблять империю Ильханидов.

Действительно, и помимо конфликтов с Золотой Ордой, улусом хана Чагатая и мамелюками, наследство Абаки было тяжелым. Его брат Текудер переходит в ислам и разрушает союз. Сделав это, он вызывает к себе ненависть монголов Хорезма, которые свергают его в пользу нового принца Аргуна, сына Абаки, который поручил административные дела христианам, буддистам и евреям. После его смерти его брат Гайхату, правоверный мусульманин, правил несколько лет, прежде чем его убили противники его политики реисламизации. Несколько месяцев спустя его кузену и преемнику Байду пришлось

подавлять мятеж, поднятый Газаном, сыном Аргуна, который перешел в ислам, чтобы обеспечить себя поддержку народа, а также поддержку монгольской знати, тоже уже исламизированной.

Правление Газана, ставшего победителем в этой гражданской войне, было отмечено постепенным движением к ассимиляции в иранской культуре. Рассматривая себя как мусульманского правителя, и больше не как вассала Великого хана, Газан даже откажется от титула ильхана. Однако было бы неверно видеть в этом разрыв между чингизидскими Ираном и Китаем, совсем напротив, так же как было бы большим упрощением представлять это как автоматический союз с другими мусульманскими государствами. Ведь в 1303 году Газан будет вести безрезультатную войну против мамелюков за контроль над Сирией. И известно, что он вел дипломатическую переписку с Папой Римским Бонифацием VIII, тоже врагом мамелюков!

Преемники Газана не сумели сохранить ни единство, ни силу империи Ильханидов. В 1335 году империя вновь оказывается разделенной на четыре государства. Чобаниды, недолговременные монгольские преемники Ильханидов; Джалаириды, мусульманская монгольская династия, правившая Анатолией и Багдадом – затем Басрой – еще столетие. Музаффариды, иранизированные арабы, захватившие юг Персии, тогда как Инджуиды быстро истратили свои силы в заговорах и интригах против них, но главным образом против самих себя.

Ханство Чагатай

Второй сын Чингисхана Чагатай (Джагатай) получил в качестве своего удела ханство, которое скоро получит его имя и которое приблизительно соответствовало бывшему государству каракитаев, одной из ветвей киданей, живущих между ильханами, Делийским султанатом и Китаем династии Юань. В отличие от других ханств, это ханство пыталось сохранить традиционный кочевой образ жизни монголов. Под этим предлогом в нем не было постоянной столицы.

Однако если иностранная династия не может заставить своих подданных принять свои обычаи, у нее нет другого выбора, кроме как самой приспособиться к местным обычаям. Таким образом, под давлением мусульманской элиты ханам Чагатайского улуса пришлось перейти к оседлому образу жизни и принять ислам. Очень рано ханство стали разрывать династические конфликты, возможно, даже больше, чем в другом месте. Оно часто вело войны с монгольским миром с одной стороны, будь то Юань или Ильханиды, и с Делийским султанатом с другой стороны, куда они неоднократно вторгались и осаждали Дели.

В начале четырнадцатого века хан Тармаширин переходит в ислам, что спровоцировало восстание и разделение на части глубоко разделенной страны. На востоке это был буддистский и несторианский Могулистан, сельскохозяйственный и кочевой, но тонувший в племенной анархии, а на западе Мавераннахр, который был в большинстве своем городским, торговым и мусульманским. Единство было восстановлено только к 1360 году, когда чингизид Тоглук-Тимур ради присоединения Трансоксианы прислушался к призывам к союзу с тюркской элитой, со всем своим войском перешел в ислам и захватил этот регион. В свою очередь он назначил аристократа Барласа в качестве своего представителя. Но Барлас нарушил вассальную связь и сам провозгласил себя эмиром Самарканда вместо эмира. Вопреки стойкой легенде, Тимур-ленг, которого история знает под именем Тамерлана (Тимура), был не монголом, а тюрком.

Золотая Орда

В то время, когда хан Угэдэй решил повернуть свои войска в сторону Урала, Русь была разделена на несколько княжества, главными центрами которых были, среди прочих, Киев, Владимир, Суздаль, Ярославль, Москва, а также Новгород. В 1236 году Бату (Батый), племянник Угэдэя, начал наступление на Европу, хотя на самом деле его войсками командовал Субэдэй (Субудай), самый, пожалуй, выдающийся монгольский полководец. Считается, что на Русь напало 150 000 человек (две трети из них составляли тюрки). Русские города пали один за другим. В 1241 году был сожжен Краков. Венгрия подверглась вторжению, Австрия и итальянское побережье Адриатики оказались под угрозой. Но это гигантское наступление исчерпало силы захватчиков, которые, под предлогом смерти Угэдэя в результате несчастного случая, спокойно вернулись назад, надеясь повторить поход сразу, как только восстановят свои силы. Вопреки их надеждам, Бату и два его брата сохранили только часть своих завоеваний, даже если они регулярно получали дань от славян.

Давайте послушаем Жана-Поля Ру, который прекрасно описал ситуацию: «Бывшие владения кипчаков (половцев), государство волжских булгар и, более или менее напрямую, все русские княжества, в общем, обширная территория, в плохо определенных границах, тянущихся между Кавказом, Хорезмом, Иртышом и большими северными лесами, расширяющаяся и сужающаяся, скорее подвижное человеческое творение, чем географическое пространство». В силу этого неудивительно, что эта политическая сущность стала нам известна под именами «Синей Орды», затем «Золотой Орды», нежели под именем Кипчакского ханства, которым правили потомки Бату. Что касается его братьев, то они осуществляли свое влияние на территориях, расположенных к востоку от Урала. К сожалению, термин «орда», связанный с плохим переводом «Altun Ordu» («золотой лагерь», «золотое войско»), авто-

матически предполагает уничижительное видение этих государств, если не сказать изображение заросших волосами варваров, и это вопреки их цветущей торговле и блестящим культурным достижениям. Обязательно следует изменить сложившийся в наших умах стереотипный образ этого периода.

Сартак, сын Бату, сменил того во главе Орды. Он перешел в христианство, но был убит и заменен его дядей Берке, который, в свою очередь, стал мусульманином – первым среди монгольских правителей. Также именно он разрушил монгольскую солидарность, войдя в союз с мамелюками и с делийским султаном против монголов-ильханидов. Это не помешало Берке потерять важные территории, доставшиеся как раз другим монголам.

Все более и более изолированная в монгольском мире – там уже говорили больше не на монгольском, а на тюркском языке – и окруженная столь же неустойчивыми, сколь и потенциально враждебными соседями, Орда, кроме того, познала ту же беду, которая кажется неотделимой от монгольских государств: внутреннюю междоусобицу. Вспомним, что между 1360 и 1380 годами в ней сменилось четырнадцать ханов. Воспользовавшись этой явной слабостью, русские князья, теоретически вассалы Орды, с 1371 года прекратили платить ей дань. Мамай, новый глава Орды, не смог их к этому принудить, и был разбит в Куликовской битве в 1380 году. Ослабленный Мамай был побежден Белой Ордой, которой правил Тохтамыш, честолюбивый вассал Тамерлана. Это изменение ситуации временно восстанавливает единство Золотой Орды, но желание Тохтамыша добиться независимости вызывает гнев Тамерлана, который проводит карательную экспедицию против государств Тохтамыша и тех, которые он сделал своими союзниками с помощью щедрых уступок. Отказываясь признать свое поражение, Тохтамыш попытался снова отвоевать свой трон с помощью литовцев. Они были разгромлены. Едигей с благословения Тамерлана сменил Тохтамыша во главе Орды. Желая наказать славян, он разграбил и осадил несколько городов, но, как и его предшественник, переметнулся на сторону Великого княжества Литовского.

Среди главных последствий этой долгой двойной войны, между славянскими княжествами и Ордой и за власть внутри самой Орды были, с одной стороны, раздробленность ханства на несколько государств, каждое из которых вело разную дипломатическую политику, и, с другой стороны, обострение «анти-татарских» чувств. Разделение «монголов», вместе с потенциальным усилением славян, все более и более решительно настроенных на то, чтобы прогнать их, могло только послужить этим целям. К этому необходимо добавить давление османов, мамелюков и «узбеков» – монголов из династии Чобанидов. Все эти составляющие способствовали неизбежному исчезновению Орды. Ее последние остатки были медленно завоеваны Россией, не без затруднений и опасений. Война против татар/«тартар» – давайте отметим, что

больше уже не говорят о «монголах» – длилась несколько веков. Даже если они не представляли больше серьезной угрозы в девятнадцатом веке – Крымское ханство было присоединено к России в 1783 году – интересно отметить, что тот страх, который они все еще внушали, побудил Жюль Верн написать роман о приключениях капитана Михаила Строгова, курьера царя.

(В русских летописях, как и в русском (украинском, белорусском) фольклоре нигде нет слова «монгол», и везде говорится только о татарах. Кроме того, нужно учесть, что при написании этого эссе автор явно не обращался к богатому наследию русской до- и послереволюционной тюркологии, к работам Льва Николаевича Гумилева и к трудам русских евразийцев, поэтому тут мы видим, прежде всего, взгляд с «западной» стороны на данный исторический период. Впрочем, этот взгляд именно этим и интересен, не говоря уже о том, что автор-француз, вопреки распространенным на Западе взглядам, все-таки уже отвергает изображение татар как заросших волосами примитивных дикарей. – прим. перев.)

Безумная мечта генерала барона фон Унгерн-Штернберга

Пропаганда и литература сформировали черную легенду о Роме Федоровиче фон Унгерн-Штернберге. В истории он останется как «безумный барон». Его считали жестоким враги и союзники, которые сами были такими же. Об его сумасшествии никто не говорил при его жизни, но слуха, согласно которому его однажды во время офицерской попойки ударили саблей по голове, оказалось достаточно для этого неоспоримого предположения.

На самом деле неважно, был ли сам Унгерн-Штернберг безумцем или нет, но его мечта, вне всякого сомнения, была именно такой. Да и как могло бы быть иначе, ведь стоит лишь изучить его невероятный жизненный путь. Происшедший из старинного аристократического рода остзейских немцев – хотя он сам считал себя потомком Аттилы – Роман фон Унгерн-Штернберг служит Российской империи, которая тогда охватывала прибалтийские страны и Польшу. Окончив Павловское военное училище в Санкт-Петербурге в 1908 году, он уезжает в Сибирь, чтобы служить в звании хорунжего (лейтенанта) в казачьем полку. Монголия, которая до тех пор находилась под управлением Китая династии Цин, воспользовалась китайской революцией 1911 года, чтобы отделиться и провозгласить свою самостоятельность. На самом деле Монголия сближается с императорской Россией, которая играет роль ее протектора. Тогда Унгерн-Штернберга прикомандировывают к подразделению монгольской кавалерии. Там он остался на четыре года. Этот период его жизни оказался решающим. Очарованный этой страной, по которой он без передышки скачет на своем коне, он также чувствует живую привязанность к

культуре этих людей. Он принимает буддизм ламаистского толка и живо интересуется гаданием и оккультизмом.

Храбро сражаясь вместе с казаками атамана Григория Михайловича Семенова против немцев во время Первой мировой войны, он заканчивает войну в чине генерал-майора – в возрасте всего тридцати трех лет – и с множеством наград, среди которых очень престижный орден Святого Георгия. Впрочем, безнравственное поведение генерала барона Унгерн-Штернберга также уже общеизвестно. Он не только пренебрегает дисциплиной, но он еще и отъявленный спорщик и большой пьяница, что делает из него неисправимого дуэлянта. О нем также говорят, что он так и не оправился полностью от сильного удара саблей, который он якобы получил по голове во время дуэли.

В Сибири, куда его направили в феврале 1917 года, его застают врасплох Октябрьская революция. Вместе с Семеновым он решает возобновить войну против большевиков, однако, не подчиняясь белому русскому правительству адмирала Александра Колчака. Они все-таки находят помощь со стороны Великобритании, Франции, но, главным образом, Японии, которая стремится создать марионеточное государство на севере Китая и Монголии. Что-то вроде монгольского Маньчжоу-го.

После смерти Колчака, отставки Деникина, бегства Семенова, последовавшего за его неудачными попытками бороться против Дальневосточной Республики, марионетки Советской Москвы, и после крушения белых армий, Унгерн-Штернберг остается единственным, кто продолжает сражаться на востоке против красных. Под давлением большевиков Унгерн-Штернберг вынужден снова отойти в Монголию. Официально автономная, она оккупирована китайцами, которых он изгоняет из Урги (сегодня Улан-Батор). Монголы видят в нем освободителя, и Унгерн-Штернберг хочет объединить под своим командованием все монгольские племена. Он освобождает богдыхана Богдо-гэгэна VIII и восстанавливает его на троне. Политический и духовный вождь, которого выбрала Монголия, когда добилась самостоятельности, этот тибетский монах рассматривался как реинкарнация знаменитого ламы, который умер в семнадцатом веке. Благодаря всадникам «Дикой дивизии», Унгерн-Штернберг начинает вынашивать новый политический проект. Освобождая Россию от большевистского ига, он планирует приступить к завоеванию мира, воскрешая империю Чингисхана. Это проект тем более «реалистичный», что барон сам себя убедил в том, что он перевоплощение «Царя Вселенной»; и разве далай-лама не признал уже в нем реинкарнацию воинственного божества Махакалы?

Но Унгерн-Штернберг не может победить. Вопреки обещаниям японской помощи, его войско, которое насчитывает несколько сотен, возможно 1200 че-

ловец, остается плохо вооруженным и голодающим. Русские белогвардейцы, монголы, калмыки, башкиры, японцы, буряты... «дивизия» азиатской кавалерии объединяет столько наций и различных интересов. Но можно ли завоевать мир с двумя тысячами людей? Хуже того, крайняя жестокость барона, который, кажется, одержим неистовым «бегством вперед», все больше и больше лишает его симпатии монголов. Конечно, его слава повсюду предшествует ему и порождает ужас в сердцах врагов, которые все больше предпочитают разбежаться, чем бороться с ним лицом к лицу. Но его разрушительная ярость не знает границ; дезертирство умножается, и появляется коммунистическая монгольская оппозиция под руководством Дамдина Сухэ-Батора.

Когда Унгерн-Штернберг уходит из Урги в свой последний поход, его, наконец, выдают Советам его же люди, которые больше не верят в его мечту. После короткого судебного процесса его расстреляли 15 сентября 1921 года.

Хотя коммунисты взяли власть, система ограниченной монархии во главе с богдыханом остается. Она будет функционировать до смерти правителя в 1924 году. После этого монархия была уничтожена, и основана Монгольская Народная Республика, ставшая вассалом СССР.

Можно ли увидеть в проекте безумного барона попытку возрождения Монгольской империи? Нет ни малейшей уверенности в этом, стоит лишь задуматься над удивительным раздроблением военных целей, к которым стремились всадники «Дикой дивизии». Если представить в кратком виде этот заключенный исключительно под давлением обязательств союз, то русские белогвардейцы в нем желали восстановить в России монархию, монголы стремились к независимости, а японцы хотели завоевать мир. А Унгерн-Штернберг хотел все это одновременно.

* * *

Читатель поймет, что понятие «новой Монгольской империи» стремится к тому, чтобы обозначить великую евразийскую авантюру незапамятных времен, а не неуловимое видение гипотетического возрождения алтайских народов. Что поражает при изучении появления и развития монгольских империй, это, главным образом, чрезвычайно большое влияние тюркского мира. Конечно, эпическое вдохновение было дано кочевыми монголами, оседлавшими своих маленьких лошадей. Но приходится констатировать, что без помощи всех тюркоязычных народов, которых они подчинили себе, или которые присоединились к ним по доброй воле, Чингизиды достигли бы немногого. Это влияние, без сомнения, значительнее влияния Китая, который довольствовался тем, что «переварил» своих оккупантов, превратив их в китайцев, но не особенно проявил свои имперские свойства. Зато кажется, что от уйгуров

до сельджуков рост монгольского продвижения совпадает с тюркскими зонами влияния.

Какие выводы можно сделать из этого в наши дни? В первую очередь можно констатировать, что современная турецкая дипломатия лишь в самой малой степени отошла от своего традиционного атлантизма, унаследованного от ортодоксального кемализма. После прихода к власти исламистской Партии справедливости и развития можно наблюдать эволюцию политики Анкары по отношению к Израилю – «союзнику», неудобному для любого мусульманского государства, которое хочет обладать весом в «умме», к США, и к тюркоязычным республикам бывшего СССР. Не надо забывать, что Турция была первым государством, которое признало их независимость. Эти республики являются предметом напряженного культурного и политического лоббирования, чтобы привязать их к себе, особенно по стратегическим и энергетическим причинам.

Изолированная в мусульманском мире из-за своих тесных связей с Западом и бесспорного этнического факта – турки не являются арабами – Турция могла бы воспользоваться силой, которая в настоящее время неблагоприятно настроена к ней в мусульманском мире. Превратившись в движущую силу тюркских стран, Турция смогла бы стать одной из великих держав двадцать первого века, по образцу Германии в настоящее время в Европе. Очевидно, что в рамках этой гипотезы интересы Турции могут задеть интересы Ирана, России или еще Китая, но в рамках гибкого союза, с переменной геометрией, ясно, что Турция может многое выиграть, аккуратно сблизившись именно с Востоком, рискнув оставить Европу, которая продолжает отказываться от открыть ей свои двери, несмотря на бесчисленные уступки со стороны турок. Следует подумать обо всех этих тюркоязычных народах, разбросанных между Россией, Китаем и по местам их древних походов, и которые могли бы создать столько же мостов. Что бы там ни было, кажется оправданным задуматься над тем, не пройдет ли будущее Турции скорее через тюркоязычный мир и налаживание связей с Евразией, нежели через Европейский союз.

ГЛАВА III. ИРАН, КИТАЙ И РОССИЯ: ПРАГМАТИЗМ ПРЕВЫШЕ ИМПЕРСКИХ ГРЕЗ

Жан-Мари Хольцингер

Получение Ираном статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в 2005 году свидетельствует о доверии, которое оказывают ему Китай и Россия, обнаруживая в симптоматичной манере также неустойчивость трехсторонней дипломатической конструкции.

Китай и Россия обычно занимают единую позицию по отношению к Ирану, сотрудничая с Тегераном, прежде всего, в энергетической области. Китай и Россия часто старались ограничить международные санкции против Ирана в рамках развития его ядерной программы и его деятельности по обогащению урана. Два главных направления сотрудничества между тремя странами вырисовываются именно в области продаж вооружения и в энергетике. Россия продает Ирану свое оружие, принимает участие в развитии его атомных станций, сотрудничает с ним в рамках антитеррористической борьбы и поддерживает с Тегераном тесные дипломатические отношения. Китай присоединяется к многосторонним решениям ООН по отношению к Ирану, поддерживая превосходный диалог с этой исламской республикой, он, конечно, оказывает ему свою поддержку ввиду его оппозиции к США, но помимо этого их отношения остаются весьма прагматичными.

Китай действительно нуждается в иранском газе и в иранской нефти для диверсификации своих источников снабжения энергетическими ресурсами, кроме того, он может оказаться интересным для Ирана партнером, финансируя большие проекты, требующие больших инвестиций. Потому вполне оправданным было бы задаться вопросом, смогут ли эти связи, поддерживаемые тесными дипломатическими отношениями между тремя государствами, привести в будущем десять лет к региональной осмотической конструкции, в пользу этой новой Монгольской империи.

Неоспоримое китайско-иранское сближение сильно отличается от более натянутых дипломатических отношений между Ираном и Россией?

Отношениями между Ираном и Китаем движут одновременно прагматические и сентиментальные причины. Существует глубинная основа, общая для обеих стран, которая ведет к развитию их надежных нынешних и будущих отношений. Китай и Иран – наследники двух великих цивилизаций, и их связи восходят ко второму веку до н.э., когда династия Хань открыла Великий шелковый путь. Эта торговая дорога сыграла главную роль в торговле между Хань и царством Аршакидов. С тех пор этот путь способствовал коммерческим, а также культурным связям между персами и китайцами на протяжении некоторых веков. Это общее наследие Великого шелкового пути сегодня выступает в качестве исторического соединения между Ираном, Центральной Азией и Китаем. Эти связи важны, по мере того, как китайские и иранские руководители используют их, чтобы продемонстрировать сближение между обеими нациями и также напомнить, с другой стороны, об их несчастном опыте и напряженных отношениях с западными державами.

Иран и Китай разделяют не только общую историю, но также глубокое чувство виктимизации и «унижения» со стороны Запада. Эти две страны чув-

ствуют себя отторгнутыми из региональной и мировой политики, которую ведут великие державы. Дискурс виктимизации продолжает играть важную роль в риторике китайских и иранских правителей. Китай и Иран по-прежнему питают глубокое недоверие по отношению к мировому порядку, где господствуют США, и прилагают все усилия для создания многополюсного мира, в котором американское влияние было бы ослабленным. Во время своего визита в Иран в 1991 году китайский премьер-министр Ли Пен заявил: «Мы являемся противниками господства США или какого-либо меньшинства над миром и создания США нового порядка в международных отношениях, и в этом отношении мы полностью согласны с позицией Исламской Республики Иран». В июне 2009 года Ху Цзиньтао вновь подтвердил эту заявленную позицию: «Тегеран и Пекин должны оказывать помощь друг другу, чтобы на международном уровне управлять развитием во благо своих наций, в противном случае те, кто является причиной нынешних международных проблем, продолжат руководить миром».

Иранские руководители неоднократно демонстрировали идентичные чувства. Президент Ирана в 2005-2013 годах Махмуд Ахмадинежад часто ссылаясь на создание «нового мирового порядка». Что касается России, то она становится все более и более чувствительной к западным предписаниям, и ее хорошие отношения с Ираном омрачаются. В 2009 году Россия выразила свое раздражение, увидев, что Иран отклонил проект переработки урана, слабо обогащенного в России и Франции, для превращения его в топливо для своего реактора для медицинских исследований. Сославшись на решение Совета Безопасности ООН в июне 2010 года о запрете для всех стран поставок обычного вооружения в Иран, Россия запретила поставку Ирану зенитных ракет С-300. Москва к тому же поддержала уже целый ряд решений ООН о санкциях против Ирана.

(Речь тут идет о временах президентства Медведева. С возвращением Путина на наивысший государственный пост политика в этом смысле несколько изменилась. Впрочем, и новый президент Ирана Хасан Рухани, вероятно, несколько улучшит отношения своей страны с Западом, но говорить об этом пока рано. – прим. перев.)

Продажа оружия в российско-иранских и китайско-иранских экономических отношениях.

Продажа Китаем и Россией оружия Ирану, которую все три страны рассматривают как законную, представляет собой яблоко раздора между Китаем и Россией с одной стороны и США с другой. Россия остается главным поставщиком Ирана. Китай тоже торгует с Тегераном в этой области и принимает участие в передаче военных технологий и материалов двойного (мирного и военного) применения.

Несмотря на обострившиеся отношения с Ираном после свержения шаха в 1979 году, СССР смог продавать оружие Исламской республике. Начиная с 1989 года, Москва и Тегеран вели переговоры для подписания их главного контракта по поставкам вооружения, наряду с согласованиями вопросов научного и технического сотрудничества. До конца 1990-х годов Россия считалась главным поставщиком обычных вооружений Ирану. С 1995 по 2000 год Россия прекратила продавать оружие Ирану, выполняя условия своего соглашения с США. В течение первого десятилетия двадцатого века Россия продала Ирану оружия и снаряжения на сумму свыше пяти миллиардов долларов, в том числе зенитные ракетные комплексы малой дальности «Тор-1», военные самолеты, подводные лодки и бронетехнику.

Иран пытается оснастить свои вооруженные силы баллистическими ракетами. В 2004 году американский государственный секретарь Колин Пауэлл предупредил международное сообщество, что Иран мог бы попытаться приспособить ядерные боеголовки к баллистическим ракетам. Также Иран, как предполагается, пытался разработать баллистическую ракету «Шахаб-6», вариант северокорейской ракеты «Тэпходон-2/3», с дальностью полета более 5000 километров. Москва могла бы предоставить Тегерану технологии для этой программы и даже помочь Ирану разработать ракету с дальностью 10 000 километров, которая могла бы долететь до Восточного побережья США.

Что касается Китая, то он продавал Ирану вооружение еще во времена Ирано-иракской войны 1980 – 1988 годов. С 1980 по 1987 год Китай, как считается, продал Ирану оружие стоимостью более трех миллиардов долларов. После войны продажи вооружения упали, затем эта торговля снова возобновилась в начале 1990-х годов. С 1993 по 1996 год Китай предоставил Ирану вооружение на сумму 400 миллионов долларов, затем на 600 миллионов долларов с 1997 по 2000 год. Было установлено, что Китай был вторым поставщиком вооружения в Иран с 2002 по 2011 год. Некоторые виды этого вооружения были современными и потенциально могли бы противостоять военноморским и военно-воздушным силам США. Китай также передал Ирану ряд промышленных технологий, нарушая при этом даже свой собственный порядок о контроле передачи технологий и одностороннее американское законодательство. Помимо стрелкового оружия Китай поставлял Тегерану артиллерийские орудия, противокорабельные торпеды, ракеты класса «земля-воздух», истребители, танки, бронетранспортеры и быстроходные катера. Администрация Барака Обамы пришла к выводу, что китайские предприятия способствовали разработке иранских ракет и иранской ядерной программы в нарушение санкций Совета Безопасности ООН.

Китайско-российская поддержка развития мирной ядерной программы Ирана

В своих отношениях с Ираном и китайцы, и русские руководствуются также и другими экономическими соображениями. В течение последнего десятилетия российские и китайские дипломаты неоднократно пытались смягчить санкции Совета Безопасности, в особенности те, которые могли бы заставить их ограничить свое экономическое, прежде всего, энергетическое сотрудничество с Ираном. Они сумели сохранить свои экономические интересы в Иране вопреки экономическим санкциям ООН.

В феврале 2010 года заместитель директора департамента по вопросам безопасности и разоружения Министерства иностранных дел России Олег Рожков заявил, что Россия стала бы рассматривать только те санкции против Ирана, которые «направлены на решение вопросов о нераспространении ядерного оружия и о ядерной программе Ирана». Он упомянул к тому же, что Москва не собирается поддерживать «санкции или меры, которые могли бы привести к политической, экономической или финансовой изоляции этой страны».

За исключением случая с зенитными ракетными комплексами С-300 торговые связи между Россией и Ираном в значительной степени не пострадали, и Россия остается одним из главных поставщиков Ирана. Российские фирмы взяли на себя доминирующую роль в помощи в развитии иранской мирной энергетики, включающей также ядерный сектор. Строительство атомной электростанции в Бушере началось в 1970-х годах во времена шаха. Затем спустя много лет проект был возобновлен русскими. Эта электростанция официально начала производить электричество в сентябре 2011 года. Согласно соглашению с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ) Россия обязуется ввести АЭС в эксплуатацию, предоставить ядерное топливо и вывезти отработанное топливо на протяжении первых лет эксплуатации атомной электростанции.

Русские охотно сотрудничают с Ираном в развитии мирной ядерной энергетики, потому что они официально считают, что Иран не будет пытаться использовать свой мирный ядерный сектор для создания ядерного оружия. В декабре 2011 года заместитель министра иностранных дел России Сергей Алексеевич Рябков заявил: «У нас есть проверенные данные, что достоверные сведения о наличии военной составляющей отсутствуют. Нет доказательств существования военной составляющей в иранской ядерной программе».

Туманная дипломатическая позиция Китая и России в отношении ядерной программы Ирана

Китай и Россия просят Иран воздержаться от разработки ядерного оружия и сделать свои атомные исследования более прозрачными. В то же время эти две страны часто защищали иранские позиции в Совете Безопасности, даже сотрудничали с Ираном в ядерной области. Китайские и российские дипломаты отмечают, что нынешние санкции против Ирана не смогли побудить Иран остановить свою ядерную программу, и что Тегеран, напротив, еще больше закрепился на своих позициях. Они настойчиво призывают к диалогу и возобновлению переговорных усилий.

В июне 2010 года Москва и Пекин на заседаниях Совета Безопасности присоединились к позиции Запада и проголосовали за санкции против Тегерана, обвиненного в продолжении его подозрительной активности в атомной сфере. Эти действия Ирана являлись нарушениями предыдущих решений Совета Безопасности, запретивших Ирану обогащать уран или вести другую деятельность, которая могла бы способствовать созданию ядерного оружия, пока Тегеран не станет действовать с большей прозрачностью в рамках своих ядерных исследований.

Эта более твердая китайско-российская позиция по отношению к Ирану стала очевидной, когда Россия и Китай не согласились предоставить Ирану статус полноправного члена ШОС. Они считают, что Иран не может пользоваться этим статусом, пока эта страна является объектом санкций ООН. Ни Китай, ни Россия не желают, чтобы Иран получил ядерное оружие, но оба партнера всегда защищали право Ирана или любой другой страны продолжать свои мирные атомные программы, например, производство электроэнергии.

В 2007 году российский президент Владимир Путин так обобщил позицию России относительно Ирана: «Мы не располагаем доказательствами намерений Ирана производить ядерное оружие. Потому мы предполагаем, что Иран не стремится к осуществлению таких планов. Но мы разделяем беспокойство наших партнеров и думаем, что программы Ирана должны быть прозрачными». В мае 2008 года в совместном заявлении китайский президент Ху Цзиньтао и президент России Дмитрий Медведев заявили, что «Китай и Россия предложили, что иранская ядерная проблема должна решаться с помощью диалога и консультаций». В сентябре 2010 года Китай и Россия подчеркнули необходимость долгосрочного глобального решения, чтобы «восстановить доверие международного сообщества относительно мирного использования Ираном ядерной энергии».

В результате трехсторонней встречи в ноябре 2010 года китайский, индийский и российский министры иностранных дел снова признали право Ирана использовать ядерную энергию в мирных целях. В июле 2011 года Китай и Иран отметили сороковую годовщину их дипломатических отношений, и Китай воспользовался этим случаем, чтобы напомнить, что он выступает за мирное решение иранской ядерной проблемы.

Русские и китайцы, вероятно, хотели бы видеть изменения в поведении иранских властей, хотя они опасались изменения режима в Иране. Если бы иранская оппозиция пришла к власти, она вряд ли с благосклонностью расценила бы китайско-российскую поддержку президенту Ахмадинежаду. Во время демонстраций 2009 года протестующие сильно критиковали китайско-российскую поддержку иранскому режиму. Они также упрекали русских и китайцев за их слишком быстрые поздравления президенту Ахмадинежаду после его победы на выборах, которую оппозиция оспаривала.

Нефть и газ в основе экономических отношений

Что касается китайцев, то они извлекли для себя пользу из той ситуации, что сегодня мало стран торгует с Ираном. Китайские компании, таким образом, заполнили брешу в различных секторах иранской экономики, и в особенности в сфере энергетики, от сотрудничества в которой западные предприятия отказались. В 2009 году Китай стал первым торговым партнером Ирана, мигом затмив Германию, которая до тех пор занимала это место.

Иран не только один из главных поставщиков нефти Китаю, но также и узел транспортировки энергии между Ближним Востоком, Центральной Азией и Европой. Их отношения остаются асимметричными в основном ввиду экономической изоляции Ирана: Иран нуждается в Китае больше, чем Китай нуждается в Иране.

С 1980-х годов отношения Китая с Ираном изменились от торговли оружием к торговле энергоресурсами для того, чтобы поддержать стремительный рост китайской экономики. Многочисленные санкции США и других западных стран против Ирана вынудили Иран обратить свой взгляд на Восток, чтобы найти там рынки сбыта своих обильных энергоресурсов. В поиске энергетических ресурсов для обеспечения своего экономического развития Китай часто пытался воспользоваться возможностями, которыми пренебрегли другие страны, или от которых они отказались. Иран – хороший пример этого. Американские и европейские компании были отодвинуты или уехали из страны, и китайцы воспользовались этим случаем, чтобы занять их место. Китайские и иранские правительства сыграли главную роль в укреплении энергетического партнерства.

Иран знает, что китайские предприятия могут делать инвестиции, и иранское правительство предлагает стимулирование, чтобы привлечь новых инвесторов. Во время своей поездки на Аравийский полуостров в январе 2012 года китайский премьер-министр Вэнь Цзябао по поводу угрозы закрытия Ормузского пролива заявил, что «Китай не является единственной страной, которая торгует с Ираном», и что Китай не испытывает беспокойства, что касается торговли нефтью с Ираном. В то же время китайские нефтяные компании пользуются поблажками правительства Пекина, которые позволяют им снизить свои административные расходы и получить прибыль благодаря финансированию своих проектов по ставкам ниже рыночных.

Китай старается диверсифицировать свои источники снабжения и связи, которые он поддерживает со странами-экспортерами газа и нефти. Иран оставался среди первых трех поставщиков нефти Китаю в 2009, 2010 и 2011 годах. Китай не только покупает в Иране сырую нефть, но и при помощи своих инвестиций принимает активное участие в начальных и последующих этапах ее производства. На начальном этапе Китай вовлечен в поиск и добычу сырой нефти. С 2005 года Китай и Иран подписали несколько соглашений в энергетической области, в которых участвовали три главные китайские компании: China National Petroleum Corporation (CNPC), Sinopec, и China National Offshore Oil Corporation. В 2007 года Sinopec и National Iranian Oil Company (Национальная иранская нефтекомпания, NIOC) подписали соглашение на сумму в два миллиарда долларов о разработке нефтяного месторождения Ядавалан, где можно добывать до 300 000 баррелей сырой нефти в день. Относительно инвестиций в последующие этапы производства речь идет о переработке и о транспортировке необработанных нефтепродуктов. Китайские инвесторы вели переговоры о создании или расширении нефтеперерабатывающих заводов в Анахите, Абадане, Ширазе и Исфахане.

Со своей стороны сотрудничество между Ираном и Россией в области энергетики восходит еще к 1916 году, когда иранское правительство предложило концессию одному русскому купцу. Сравнительно недавно, в 1970 году, был построен трансиранский газопровод длиной 1106 километров, который соединил Советский Союз с Ираном. Это был первый иранский газопровод, предназначенный для экспорта. В 1972 году экспортные поставки газа достигли восьми миллиардов кубометров. В 1972 году был подписан договор, разрешающий Советскому Союзу принять участие в развитии добычи иранского газа и нефти, равно как и в развитии нефтехимии и строительстве электростанций. В декабре 1976 года было подписано соглашение между Ираном и СССР об экспорте природного газа из Ирана в Германию и Францию через советскую территорию.

Исламская революция 1979 года в Иране и вторжение советских войск в Афганистан нанесли большой удар по отношениям между Ираном и СССР, тем более, что СССР во время Ирано-иракской войны поставлял свое оружие Ираку. Робкие попытки восстановить связи в энергетическом секторе начались в начале 1990-х годов. В течение двадцати последующих лет сотрудничество в области энергетики не достигло особо больших успехов.

Хотя Иран и Россия обладали значительными запасами энергоресурсов, они не смогли добиться настоящего партнерства, чтобы оказывать большее воздействие на международный рынок энергоресурсов. Российский министр энергетики сообщил в июле 2010 года о начале широкомасштабной программы сотрудничества с Ираном в области добычи нефти, природного газа и в нефтехимической промышленности. В декабре 2011 года Россия и Иран подписали контракт о поставках нефти стоимостью более миллиарда долларов. Этот контракт, подписанный между российской нефтяной компанией «Татнефть» и иранской Iranian Petroleum Engineering and Development Company, предполагает разработку нефтяного месторождения Загех в иранской провинции Бушер на берегу Персидского залива. Это сотрудничество должно позволить достигнуть добычи более 55 000 баррелей в день в 2016 году.

Можно сделать вывод, что общего китайско-российского подхода по отношению к Ирану не существует, и двусторонние отношения между этими тремя партнерами преобладают над любыми другими связями. Конечно, Иран интересуется Россией и Китаем, но в мотивах их сотрудничества с ним различий не меньше, чем совпадений. В этом контексте появление новой Монгольской экономической империи потребовало бы строгой детализации и дифференциации. Сама природа такого партнерства порождает главную ахиллесову пяту. Энергетические потоки России ориентируются на Европу, а не на Восток, что частично объясняется большими инвестициями, необходимыми для их расширения. Кроме того, Россия кажется в целом очень осторожной в своих подходах по отношению к Ирану, так как хотя природные ресурсы этой исламской республики и интересуют ее, они, тем не менее, отнюдь не являются для нее жизненно необходимыми.

В отличие от России Китай намеревается воспользоваться этой энергетической манной небесной, играя на своих привилегированных отношениях с Ираном. Но Иран, на том же основании, что и другие страны, представляет собой в глазах китайцев только одного клиента среди многих других в рамках китайской политики, направленной на диверсификацию источников энергоресурсов. Кроме того, и торговля оружием между этими тремя странами не может стать краеугольным камнем в их отношениях. Россия продает свое вооружение Китаю, главным образом, в осязаемой атмосфере подозрений, так как китайский военно-промышленный комплекс настойчиво пытается

ся копировать технику и технологии своего русского соседа. Таким образом, Китай мог бы конкурировать с Россией, продавая свое собственное вооружение китайского производства как раз на иранском рынке. Россия оказывается в такой ситуации, что она торгует с Китаем, оставаясь при этом подозрительной по отношению к нему, и пытаясь защитить свою собственную военную промышленность.

Китай, Иран и Россия, как представляется на первый взгляд, создают общий фронт, но в действительности их отношения, по существу, определяются прагматизмом. Реальное сотрудничество между этими государствами, которых часто критикуют и упрекают западные страны, существует, но вопреки тщательно продуманной дипломатической риторике, интересы каждого из них значительно перевешивают идею создания химерической новой Монгольской империи.

ГЛАВА IV. ИНФОРМАЦИОННО-КИБЕРНЕТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО?

Тома Флиши и Жером Пари

В соответствии с их общими геополитическими интересами Иран, Китай и Россия сотрудничают в области информации, формируя каждый в своей мере такое видение мира, которое противостоит видению Вашингтона. Не присутствуем ли мы, тем не менее, при появлении нового кибернетического сообщества, способного сорвать процесс нормализации информации, порожденный глобализацией?

Эта дискуссия не нова. Слово «дезинформация» действительно появляется в Советском Союзе на следующий день после Второй мировой войны (и становится известным на Западе как «dezinformatsiya»). Затем этот термин подхватывают англосаксы в 1972 году (disinformation). Пришлось дождаться 1980 года, пока он появился во Франции в словаре Французской академии. Там его определяют как «конкретное или постоянное действие, которое состоит в том, чтобы, пользуясь любыми средствами, ввести противника в заблуждение или способствовать его разложению с целью ослабления». Со своей стороны Владимир Волкофф в своей «Малой истории дезинформации» определяет ее как «манипуляцию общественным мнением в политических целях, с использованием правдивой или лживой информации, обработанной окольными путями».

(Владимир Волкофф (Волков), 1932-2005, французский писатель и ученый русского происхождения, офицер французской разведки в Алжирской войне, автор многочисленных документальных и художественных книг разных жанров. Многие его книги

были посвящены разведке и Холодной войне. Он является одним из классиков французского шпионского романа. – прим. перев.)

Парадоксально, но развитие Интернета сделало возможным одновременно усиление и крах дезинформации.

Несмотря на сильную зависимость от западных информационных источников, особенно когда они исходят от различных университетских преподавателей, в Евразии постепенно сформировалось альтернативное информационное сообщество. Россия, Китай, как и Иран распространяют некоторое количество общих идей, их разногласия в подходах объясняются историей их цивилизаций.

КИТАЙ, РОССИЯ И ИРАН: ОБЩИЕ ИДЕИ

На протяжении последних двух десятилетий Иран, Китай и Россия особенно сблизились. Воспринимаемый как угроза или, наоборот, как фактор мира, этот союз воплощается в форме взаимной поддержки в прессе.

Трио Иран-Китай-Россия рассматривается как фактор мира или нестабильности

Расширение контактов между Ираном, Россией и Китаем благожелательно воспринимается средствами массовой информации, враждебными к Западу, в отличие от неприязненного их восприятия западными и прозападными средствами массовой информации.

При взгляде из Катара через телевизионный канал «Аль-Джазира» преимущество позиции умиротворения, которую проповедуют Китай и Россия по поводу иранской ядерной проблемы, состоит в том, что она может обуздать воинственные попытки Израиля. Для «Аль-Джазиры» трио Иран-Китай-Россия оказывается неожиданным противовесом для Запада и его союзников на Ближнем Востоке. Эту позицию, естественно, разделяет российская пресса, которая представляет союз с Китаем и Ираном как лучшую гарантию мира.

Статья в газете «Правда» за 30 октября 2012 года показывает, например, роль миротворцев, которую Иран, Китай и Россия осуществляют в Таджикистане: близкие соседи этого государства, эти три державы заинтересованы в поддержании наилучших отношений с Таджикистаном, «отодвигая Запад в сторону». Для «Правды», вторжение западной «демократии» в Таджикистан практически не будет иметь смысла, поскольку «Азия все равно останется азиатской». Напоминая о русском присутствии в Таджикистане с 1924 по 1990 год, Россия подчеркивает, что русский язык там все еще используется

как язык общения. В Таджикистане также хорошо воспринимают Китай, их товарооборот с 2007 по 2012 год увеличился в 14 раз.

(Товарооборот Китая и Таджикистана за 10 лет вырос до \$2 млрд., сообщает Таджикское телеграфное агентство (ТаджикТА) в понедельник 15 июля 2013 года.

«Товарооборот Китая и Таджикистана, составлявший в 2003 году 32 миллиона долларов, за 10 лет вырос до двух миллиардов долларов, сообщил на днях председатель торгово-промышленной палаты (ТПП) Республики Таджикистан Шариф Саид на встрече с делегацией профессорско-преподавательского состава Синьцзянского университета финансов и экономики (СУФЭ) во главе с проректором данного вуза Се Шудин, прибывших в Душанбе по приглашению ТПП РТ», - сообщили агентству в пресс-центре ТПП Таджикистана. – прим. перев.)

Источник: <http://www.silkroadnews.org/index.php/ru/item/2068>

Что касается Ирана, то лингвистическая близость персов и таджиков позволяет ему оказывать большое влияние на Таджикистан. «Правда» неоднократно упоминает о вкладе этих трех стран в культуру Таджикистана, и напоминает, что эта страна расположена на древнем Великом шелковом пути, связывавшей в давние времена эти три цивилизации. Для «Правды»: «Многообразие проектов, которые Россия, Китай и Иран осуществляют в Таджикистане, показывает, что эти страны решили помешать любому западному вторжению в центр континента Центральной Азии». Для российской газеты почти нет сомнений, что Таджикистан скорее предпочтет сотрудничать с ближайшими государствами, чем поддаваться голосу западных сирен. Очевидно, антизападная печать подчеркивает миротворческий аспект новой Монгольской империи.

В отличие от нее западная и прозападная пресса подчеркивает угрозу, которую представляет союз, установившийся между Китаем, Ираном и Россией. Для Израиля общая игра этих трех держав особенно мучительна: одна израильская газета 19 июня 2012 года с театральной экспансивностью сообщает о неизбежности «самых больших военных учений, проводившихся на Ближнем Востоке». Сирия, Россия, Китай и Иран якобы в ближайшее время сконцентрируют 90 000 человек, 400 самолетов и 1000 танков для совместных маневров на сирийском побережье. Российские атомные подводные лодки, авианосец, как и иранские минные тральщики тоже направились к Сирии в сопровождении двенадцати китайских военных кораблей.

При взгляде из Швеции евразийский союз представляет опасность другого порядка: угрозу шпионажа. 8 декабря 2012 года шведская печать пишет, что на территории Швеции осуществляется все более и более сложная и широкая разведывательная деятельность, и что речь идет, главным образом, о рос-

сийских, китайских и иранских агентах. Эти агенты особенно интересуются поставками подводных лодок, которые шведы продают Австралии.

(Речь идет о договоре между Швецией и Австралией о строительстве в Австралии по шведской технологии дизельных подводных лодок для замены подлодок класса «Коллинз», кстати, тоже шведской разработки. – прим. перев.)

Со своей стороны, Япония подчеркивает, что Иран, Китай и Россия на самом деле не заинтересованы в сотрудничестве: 8 июня 2012 года газета «The Diplomat» объясняет, что экономические санкции, введенные США против Ирана, служат нефтяным интересам России. В краткосрочной перспективе Россия может опереться на эти санкции, чтобы продавать больше нефти, и в долгосрочной перспективе она может привлечь к себе бывших клиентов Ирана. Наконец, санкции искусственно поддерживают высокую цену за нефть, что позволит России избавиться от своего дефицита в 2015 году. Для японцев проиранский энтузиазм китайцев лишен оснований: в контексте замедления экономического подъема Китай в действительности не может рискнуть подвергнуть себя ответным мерам со стороны Америки. Кроме того, сближение Китая и Ирана могло бы повредить тем привилегированным отношениям, которые Срединная империя завязала с Саудовской Аравией или другими странами Персидского залива.

Короче, большинство западных органов печати воспринимает укрепление связей между Ираном, Китаем и Россией со страхом. И справедливо то, что формирование альтернативного информационного сообщества в Евразии может оказаться способным разрушить эту уверенность единодушной западной печати.

Сговор между иранской, российской и китайской прессой

Сговоры между евразийскими органами печати можно рассматривать через деформирующую призму их прессы, предназначенной для иностранцев. «People's Daily» (англоязычное издание китайской «Жэньминь жибао», «Ежедневной народной газеты»), «Russia Today», как и «Tehran Times» дают хороший общий обзор этой ситуации.

Китайский орган печати «People's Daily» регулярно отмечает хорошие отношения, которые Срединная империя поддерживает с Россией и Ираном. 5 января 2012 года китайская газета посвящает статью огромному потенциалу существующего сотрудничества между Китаем и Россией: «За этот год, двустороннее общение усилилось, и сотрудничество касается всех секторов, заявляет Сергей Санаков, председатель правления Российско-Китайского цен-

тра торгово-экономического сотрудничества». Десятью днями позже китайское агентство печати «Синьхуа» радуется запуску трех военных спутников с космодрома Плесецк в северной России.

Параллельно китайская печать демонстрирует большой интерес к поддержанию хороших отношений с Ираном. Она строго критикует односторонние санкции, навязанные США. Китайская печать доказывает, что только конструктивный диалог может найти выход из того ядерного тупика, в котором заперся Иран. Эти меры воспринимаются тем более плохо, что они вредят и китайским банкам, как, например, Kunlun Bank of China, ставшему 31 июля 2012 года жертвой американских санкций. Для Китая принятые голосованием санкции против Ирана – это американский метод для косвенного удара по Срединной империи. Сверх того эти санкции не соблюдают международное право.

Говоря об убийствах иранских ученых-ядерщиков, «People's Daily» доказывает, что Китай как суверенное государство не собирается отказываться от закупок иранской нефти, поскольку санкции против Ирана исходят не от ООН. В этом контексте неудивительно, чтобы оба государства 22 января 2013 года подписали рамочное соглашение, направленное на укрепление сотрудничества в полицейской, военной, и морской областях, в частности, в Каспийском море.

Российская ежедневная газета «Russia today» со своей стороны выражает удовлетворение хорошими отношениями России с Китаем и Ираном. 5 июня 2012 года газета цитирует речь Владимира Путина, касающуюся китайско-российского сотрудничества. Текст этого выступления одновременно появляется и в китайской ежедневной газете «Жэньминь жибао». Говоря об экономическом сотрудничестве, Путин отмечает проекты, осуществленные в 2011 году (нефтепровод из России в Китай, увеличение угольных поставок из России в Китай) и определяет целью достижение в 2015 году товарооборота в 100 миллиардов долларов. Президент России намеревается развивать сотрудничество между обеими странами в области высоких технологий, финансов и ядерной энергии. Идея состоит в том, чтобы выработать элементы общего языка и общую стратегию «относительно Сирии, Афганистана, Корейского полуострова и иранской ядерной программы», борясь против «тех, кто распространяют идеи терроризма, сепаратизма и экстремизма для того, чтобы совершенствовать свои подрывные методы, вербовать новых бойцов и расширять свои источники финансирования». Эта перифраза позволяет искусно объединить западные государства, которые ведут войну против терроризма, с мусульманскими меньшинствами, которые угрожают взорвать российское и китайское господство в их странах.

В военно-морской области Россия намеревается поддержать увеличение мощи Китая на Тихом океане, чтобы уравновесить усилия, предпринятые американским военно-морским флотом в этом стратегически важном океане.

Относительно Ирана видение российской прессы является более прагматичным. Отказ России поставить Ирану зенитные ракеты С-300 вызывает гнев иранцев. Впрочем, флот Исламской Республики Иран опирается на российские подводные лодки класса «Kilo» для усиления своей военно-морской мощи в Персидском заливе.

(Имеются в виду три дизельные подлодки проекта 877 ЭКМ. – прим. перев.)

Со своей стороны, «Tehran Times», орган печати Исламской Республики Иран, высоко оценивает обоих важных партнеров, которые позволяют Ирану избежать изоляции. 22 января 2013 года иранская газета прославляет соглашение, подписанное Ираном и Россией в ходе первого визита министра внутренних дел России в Иран со времен революции 1979 года. Иранская печать радуется усилению России в Арктике, спуску на воду новых атомных подводных лодок и помощи, которую российский флот предоставил Сирии.

«Tehran Times» также опирается на заявления российских политических деятелей в своей критике того, что она считает «политикой апартеида», проводимой Израилем.

Относительно Китая, иранская печать подчеркивает рост в 2012 году импорта иранской сырой нефти на 593 000 баррелей в день, несмотря на санкции, введенные США. Инвестиции, предоставленные китайскими предприятиями в энергетической области, также подчеркнуты: одна китайская компания выделила 500 миллионов долларов на строительство угольной теплоэлектростанции в Тебесе.

Наконец, что касается военной сферы, «Tehran Times» сообщает о неформальных дискуссиях между Ираном, Россией и Китаем с целью создания противоракетного щита, способного противостоять системе, внедренной НАТО. Но там речь идет больше о дезинформации, чем о конкретных достижениях в этой области.

Итак, можно с уверенностью сказать, что трио Иран-Россия-Китай сегодня характеризуется тесным согласованием своих позиций в области печати. Однако эта взаимная поддержка далеко не безусловна.

РАЗЛИЧИЯ В ПОДХОДАХ НА ПРИМЕРЕ НЕДАВНИХ КРИЗИСОВ

Единство взглядов у Ирана, Китая и России подвержено некоторым изменениям в соответствии с различием их конкретных целей. Сирийский конфликт, как и французская интервенция в Мали свидетельствуют о том, что Китай старается сохранить нейтралитет.

Китай, Иран и Россия: относительно одинаковый подход к сирийскому конфликту

Относительно сирийского конфликта в иранской, китайской и российской прессе прослеживается подлинное единство взглядов. Не прозападная пресса воспринимает сирийскую революцию как попытку подрывной деятельности для свержения режима Башара аль-Асада. Сирийской оппозицией, созданной большей частью из иностранных джихадистов, управляют издали США, Саудовская Аравия и Катар для того, чтобы опрокинуть сирийскую косяшку в ближневосточном домино. Российская пресса считает неприемлемыми поставки США оружия сирийской оппозиции и приветствует прибытие российских военных кораблей в восточное Средиземноморье.

Со своей стороны, «Tehran Times» считает логичным, что Россия приходит на помощь Сирии, и видит в этой поддержке последовательное продолжение советской политики. Печать Ирана рассказывает о секретных американских военных приготовлениях в Иордании с целью оказания помощи сирийской оппозиции.

А китайская печать раскрывает свои позиции, скрытые под видимостью нейтралитета, чередуя цитаты и комментарии. Газета упоминает внушающую мало доверия фразу Хиллари Клинтон: «США воздерживаются от вмешательства и предоставляют только гуманитарную помощь». Понятно – добавляет с некоторым лукавством китайская ежедневная газета – что Америке надоели войны, и она хотела бы сконцентрироваться на своих внутренних проблемах. Американцы не желают оказаться вовлеченными в новую войну на Ближнем Востоке после Ирака и Афганистана». «People's Daily», с другой стороны, воспроизводит заявления Башара аль-Асада: «Я не марионетка. Я не креатура Запада, и я не желаю уходить на Запад или в любую другую страну».

Короче, даже если они иногда окружают себя предосторожностями, российская, иранская, как и китайская печать открыто поддерживают режим Башара аль-Асада.

Французская интервенция в Мали: осторожность китайцев

Трактовка малийского кризиса с 11 по 22 января 2013 года раскрывает разницу в ритме между аппаратами российской, иранской и китайской прессы. Российские газеты реагируют очень быстро, критикуя французскую интервенцию по нескольким причинам: Франция, по их мнению, продолжает неокOLONиалистическую политику в Африке, стремясь добывать для себя в западной Африке золото и уран. Ей также доведется расплатиться за свою ливийскую ошибку. Это сказано ввиду любопытного парадокса, что, мол, Франция в Мали сражается с теми же исламистами, которых она поддерживала в Сирии. Война дорого обходится Франции – около 400 000 евро в день. Кроме того, Франция не располагает необходимыми силами, чтобы разбить джихадистов. Вопреки утверждениям западной печати, туареги вовсе не поддержали французскую интервенцию. Наоборот, французам пришлось опереться на США, чтобы воспользоваться их транспортной авиацией для переброски и снабжения войск и мощностью их разведки. Короче, за французской операцией вырисовывалась неизбежная «FUKUS axis», обратная ось зла, обозначающая Францию, Великобританию, США и Израиль, силы, пытающиеся втайне уничтожить Россию.

(FUKUS представляет собой сокращение английских названий Франции, Великобритании и США: France, United Kingdom, United States. – прим. перев.)

Иранская печать быстро перенимает существенную часть российской критики и добавляет еще один аргумент: французское наступление – это отвлекающий маневр, с помощью которого президент Франсуа Олланд пытается отвлечь общественное внимание от настоящих внутренних проблем.

Со своей стороны Международное радио Китая остается сдержанным, довольствуясь тем, что использует кавычки как выражение своего неодобрения: «В прошлый уикенд, воздушные атаки малийской армии, поддержанной ударами французской авиации, «разрушили» несколько тыловых баз исламистов на севере Мали. Речь идет о «точечных» ударах. Власти этих различных стран выражают уверенность в том, что этот союз приложит все силы, и верят в «счастливое завершение» этой «действенной солидарности» вокруг Мали». Китайская печать делает несколько намеков на энергетические цели операции: «В то время как войска CEDEAO (Экономического сообщества стран Западной Африки) прибывают в Мали в среду, к ним присоединяются их коллеги из Нигерии, которые тоже оставили берега богатой нефтью страны в тот же день». Наконец, Китай искусно цитирует заявления гуманитарных организаций: «Гуманитарные последствия военного вмешательства – массовые перемещения людей, межрегиональные и межэтнические насиль-

ственные действия и вероятная реактивация «спящих» террористических ячеек на юге Мали и в регионе. Военная интервенция может стать причиной смертей и ранений. [] Другие последствия военной интервенции – разрушение инфраструктуры и снижение уровня базовых услуг на Юге и на Севере; нестабильность цен на рынках; рост цен на продовольствие и недоедание. [] Военная интервенция могла бы также повлечь за собой рост нарушений прав человека; этому могут в особенности подвергнуться дети – с риском насильственного призыва в вооруженные формирования и разделения их семей». В противоположность России и Ирану, китайская печать, следовательно, предпочитала осторожное рассмотрение малийского вопроса.

Трактовка китайской, российской и иранской прессой этих двух кризисов свидетельствует о разногласиях в подходах, существующих между тремя государствами. Существует настоящий перепад между Россией, спешащей быстро заявить о своей позиции, Ираном, следующим за ней, и более осторожным Китаем.

НЕОТЪЕМЛЕМЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Оказывается, что история цивилизаций очень полезна для понимания стратегий кибердезинформации, присущих каждой из этих стран. Китай, со своей традиционной ему даосистской культурой прозрачности, высказался за стратегию нейтралитета, чтобы его информацию могли передавать и распространять иностранные официальные средства массовой информации. Россия, с ее проявлением традиции авторитарной власти, выбрала прямые утверждения, чтобы ее декларации были подхвачены различными иностранными сайтами. Что касается Ирана, то его маргинализация, вытеснение за пределы международного сообщества, подталкивает его к стратегии коммуникации, основанной на эмоциональности и направленной на арабскую аудиторию при посредничестве западных средств информации.

Китайский нейтралитет коренится в мудрой прозрачности

Нейтралитет китайской прессы связан с очень древней культурой прозрачности. Она является одним из первых атрибутов мудреца и коренится в даосизме, философской доктрине, для которой необходимо стать пустотой, лишенной качеств, «извергнуть свой разум», чтобы иметь как можно меньше предубеждений или возможных мнений. Став прозрачным, мудрец становится полностью свободным и может найти путь. Даосизм, таким образом, воспеваает полноту пустоты. Социальная бесполезность и пустота сердца, освобожденного от любой мирской заботы, это самые обычные стремления даоси-

стского пути. Прозрачность также укореняется в конфуцианстве, для которого «поведение мудреца безвкусное как вода; но между тем, оно совсем не скучно; оно удалено, но между тем, оно красиво и серьезно». Мудрец не должен пытаться выставлять себя в выгодном свете, его добродетель легка, как самый тонкий пух, и действительно, «у действий, у наивысших процессов наивысшего неба нет ни звука, ни запаха». Он должен стараться, чтобы люди не знали его, игнорировали его или недооценивали, потому что именно это свойственно в высшей степени добродетельному человеку: «Искать принципы вещей, которые скрыты от человеческого понимания; совершать необычайные действия, которые проявляются вне природы человека; одним словом, творить чудеса, чтобы заполучить поклонников и последователей в будущие века», вот чего должен избегать мудрец.

В Китае осмотрительность уже давно в чести. В ежедневной жизни не следует предаваться «потоку излишних слов». Китайцы не придают большого значения красноречию. Действительно, дискуссии часто вызывают ненависть людей. При любых обстоятельствах нужно скрывать свои намерения и оставаться «темным как мрак». Это справедливо и для общественной деятельности. Например, один мандарин давал будущему губернатору следующие советы: «Много слушайте, чтобы ослабить ваши сомнения; будьте внимательны к тому, о чем вы говорите, чтобы не сказать ничего лишнего, тогда вы редко будете совершать ошибки».

Традиции китайского нейтралитета противостоит русская манера прямых и открытых речей.

Русская манера прямой речи связана с российской традицией авторитарной власти

Прямая речь русской прессы неразрывно связана с традицией сильной власти, которая выковала Империю. Французские путешественники в России с восемнадцатого века свидетельствовали о деспотизме, присущем этому краю. Его можно наблюдать даже в семье: «Русский настолько почитаем в своей семье, что самого Императора может уважать вся нация; он приказывает, он метает гром и молнии, он тиранит, и пусть и не верят в его право убивать, то вся разница состоит только в том, что ему не позволено это делать законно и с некоторыми церемониями. Отец, следовательно, имеет абсолютную власть над своими детьми, и ни возраст, ни положение, не могут избавить сына от отцовской власти. Даже у людей самого низкого происхождения есть та же власть над их детьми. Это право основано на том общем правиле, что родители всегда все делают во благо своих детей, и, следовательно, они не должны отчитываться в своем поведении по отношению к ним, как бы грубо они с ними ни обращались. Поэтому достаточно, чтобы отец или мать захоте-

ли, чтобы их сына посадили в клетку или отстегали его плетью, и нужно повинаться, не побеспокоившись о том, чтобы узнать, заслужил ли сын уготованное ему наказание или нет».

Права мужей в отношении их жен еще шире. Муж это владелец своей жены и рассматривает ее в качестве товара, которым он может располагать, как будет угодно его фантазии. Он больше не должен опасаться, даже тогда, когда ему случается убить свою жену, избив ее в припадке гнева, как будто он убил своего раба. Рассказывают также, что «русские женщины прежде любили, когда их били их мужья, и среди народа есть те, кто гордится этими ласками. Объяснение, которое они дают по этому поводу, заслуживает того, чтобы сказать о нем. Если мой муж меня любит, говорят они, то очень нужно, чтобы он ревновал; если он ревнив, у него всегда найдется причина, чтобы побить меня». Императорский деспотизм, это зеркало домашнего насилия, частично объясняет предпочтение русскими прямой речи.

(В связи с вышесказанным интересно посмотреть, как обстояли дела с браками у англичан. Морин Уоллер в книге «Лондон. 1700 год» писал, что по закону того времени права супругов не были равны. Если мужчина убивал свою жену, он должен был быть повешен как уголовный преступник. Если женщина убивала мужа, ее обвиняли в государственной измене и сжигали заживо.

В день свадьбы новобрачная теряла свои права свободной женщины, которые были одинаковыми с мужскими. До этого момента она могла владеть собственностью, завещать ее по своему усмотрению, заключать контракты, подавать в суд. Но замужняя женщина испытывала ряд притеснений в правах, ее ставили в один ряд с несовершеннолетними, душевнобольными и лицами, объявлявшимися вне закона. Хотя она занимала позицию превосходства над своими незамужними сестрами, но была абсолютно подчинена мужу. Толкователь закона Блэкстоун следующим образом оценивает ее положение: «По закону муж и жена являются одним человеком, таким образом, женщина перестает существовать как юридическое лицо и действует только по протекции мужа».

Бессилие замужней женщины в рамках закона возмущало реформаторов этого века. Героиня романа Дефо Роксана довольно цинично относилась к проблеме: «Сутью брачного контракта является отказ будущей жены от свободы, имущества, власти и всего остального в пользу мужчины; женщина при этом становится фактически рабыней». – прим. перев.) <http://www.apropospage.ru/history/hist5.html>

Иранские провокации объясняются менталитетом осажденной крепости

Иранские провокации тесно связаны с тем фактом, что со времен арабского завоевания Персии Иран развил у себя культуру осажденной крепости. Географически Иран представляет собой как бы остров. Он и был бы островом в

физическом плане, если бы море поднялось на несколько сотен метров. Иран также ощущает себя как крепость, в крутых стены которой есть совсем немного дверей.

Однако вторжения в Иран происходили часто, что объясняет существование многочисленных укрепленных деревень на иранском плато. Их можно найти в Хорасане, Систане, а также в окрестностях Исфахана. Горы с древних времен играют роль убежища: горы Загрос, например, которые тянутся с широты озера Урмия до района Персеполиса, отделяя иранское плато от месопотамской равнины. Физическая конфигурация региона, где низины, плотно втиснутые между крутыми обрывами, доступны только через узкие горные проходы, всегда делала из Загросских гор убежище для населения, бежавшего туда от арабов, монголов, или туркменов.

Иранской крепости, следовательно, было очень трудно распространять свою культуру в окружающий мир. Впрочем, память о древних вторжениях ожила в начале девятнадцатого века, с наступлением полуколониального периода, когда русские и англичане делили Персию между собой. С начала девятнадцатого века Иран начинает подвергаться давлению со стороны России и Великобритании, в рамках Большой Игры. Интерес англичан к Ирану был вызван необходимостью защитить торговые пути, ведущие в Индию, тогда как интерес русских состоял в продвижении к Персидскому заливу. Преследуемые до наших дней окружением и блокадой иранцы иногда отвечали на попытки удушения провокационными речами.

Таким образом, традиции китайской прозрачности, русской авторитарности, как и персидского конспирационизма (тяги к поиску заговоров) объясняют по большей части разногласия, присущие современным стратегиям влияния этих государств.

Если бы альтернативное информационное сообщество постепенно сформировалось в Евразии – Россия, Китай, как и Иран, распространяют некоторое количество общих идей – то разногласия их подходов объяснялись бы историей этих трех цивилизаций. В терминах кибернетического влияния вербальная агрессивность Китая, России и Ирана оказывается обратно пропорциональной силе этих стран. Если же эта сила будет увеличиваться, то эти государства постепенно перейдут от влияния к стратегии насыщения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сговор между Россией, Китаем и Иран представляется одной из современных метаморфоз геополитической реальности, уже давно канувшей в лету. Основанный на крепких связях, соединяющих китайскую и персидскую цивилизации, новый союз может вписать свои деяния в блистательную историю кочевых держав Евразии. Образовывая настоящую общность интересов, новая Монгольская империя распространяет сегодня то видение мира, которое является противоположным нашим собственным стереотипам.

Однако ей понадобится все-таки преодолеть две структурные слабости. Первая слабость – демографическая. С 1991 года население России уменьшается в связи с синхронным падением рождаемости и ростом смертности. Усилия нынешнего правительства пока лишь в очень небольшой степени притормозили это падение. В Китае неумолимые последствия регулирования рождаемости приводят к старению нации, которое угрожает будущему росту. Со своей стороны, рождаемость в Иране уменьшилась с пяти детей на одну женщину детородного возраста в 1979 году до 1,9 сегодня. Последствия этого демографического падения очень разнообразны: Китай, Россия, как и Иран, старея, столкнутся с уменьшением количества инноваций. Этим государствам придется очень значительно увеличить свою производительность, чтобы компенсировать негативные последствия дефицита в людях. Если они не смогут исправить свою демографию, они не смогут осуществлять долгосрочное влияние.

Во-вторых, эти три континентальные державы страдают от реального дефицита доступа к морям и недостаточной морской силы. Этот дефицит никогда не удовлетворялся ими в достаточной степени. За неимением достаточных средств русский флот концентрировался лишь на своих ближайших соседях. На Юге приоритетом для Москвы является регион Каспийского моря – Черного моря, что объясняется наличием значительных энергетических и пищевых ресурсов. Этот регион также близок к российскому Кавказу, где развиваются организованная преступность, нелегальная торговля (наркотиками, людьми и т.п.) и терроризм. Иран, который мог распространять свое влияние только тогда, когда владел ближайшими морскими пространствами, затрудняется сделать решительный шаг в сторону моря из-за своего бегства к ядерной энергетике. Что касается Китая, то он чаще всего поворачивался спиной к океану, чтобы эффективнее бороться против вторжений с севера. Нынешний рост китайской морской мощи представляется в этом отношении настоящим переворотом. Китай мог бы даже однажды принять участие в усилении морской мощи Ирана в обмен на поставки природного газа. Однако эффективная морская политика может осуществляться только в долгосрочной перспективе.

В общем, что касается этой темы, нужно констатировать, что эти три континентальные державы пока продвигаются на ощупь.

Но, несмотря на ее слабости, новая Монгольская империя располагает одним несомненным преимуществом: ни одна из трех цивилизаций, которые составляют ее, не воспринимает себя как принадлежащую к общей культурной сфере. Чуждые химере выхода своих культур за пределы их традиционных ареалов с помощью отмены границ, эти три государства смогут в будущем соединить свой прагматизм со способностью влияния, которую каждое из них почерпнет в своей истории. Испытывающий недостачу людей и окруженный водами этот пластичный новый союз будет извлекать свою будущую силу главным образом из культур, которые его составляют. Следовательно, можно легко понять, что он в первую очередь будет опасаться разлагающих возможностей глобализации.

ЭПИЛОГ

Когда майор Бодуан де ля Рюэзи добрался до Елисейского дворца после пяти дней пути, его конь был настолько измучен, что издавал странный хрип. Два не отстававших от него офицера, которые сопровождали майора на расстоянии нескольких шагов, не прекращали по пути острить. Привыкшие обращаться друг к другу только как «старина», они немного опасались того торжественного момента, когда маленькой группе предстояло пройти через портик президентского дворца. Когда шум копыт прозвучал на улице Сент-Оноре, жандарм на посту машинально открыл ворота, затем снова выпрямился по стойке «смирно». Три человека слезли с лошадей, затем поднялись по ступеням парадного двора перед зданием. Уругвай, ужасно взмыленный, видимо восхищенный окончанием своих мучений, терся о молодую липу, посаженную на краю парадного двора.

Президент, сидевший за своим столом, удивился, что даже столь измученный офицер сохранил невредимой свою молодцеватую элегантность, даже когда могла бы вспыхнуть война. Закрывая книгу «Операция Serval». Расшифрованная французская интервенция в Мали», в которую он был погружен, он взял желтую папку и положил на нее свою руку. Его ближайшие советники, лишенные своих айфонов, казались абсолютно сбитыми с толку.

Президент снова поднялся по лестнице и постучал в дверь Нойштадта, старого начальника протокола, который правил этим домом. У этого эксцентричного человека была привилегия не подчиняться никаким мелочным правилам и инструкциям, которые он сам устанавливал для всего дворца. В высоких рыжих сапогах и галифе из другого века, он в минуты разрядки стрелял в голу-

бей, которые рискнули поселиться в парке. Рассказывали, что он некогда охотился на львов в Руанде.

Нойштадт сразу проснулся, надел свой ночной колпак, налил Президенту бокал мирабели, затем оживленно спросил у него о причине столь раннего пробуждения. Глава государства без слов показал ему папку, открыл ее, и распечатал письмо. Но после пяти дней безумной скачки чернила в письме абсолютно расплылись, образовав элегантные узоры на желтоватой бумаге.

- Ах, так ваши генералы увлекаются акварелью, – воскликнул Нойштадт, – это очень хорошая новость. Затем, закручивая кверху свои длинные усы, он добавил: – Я думаю, что знаю, что виновниками этого затемнения не являются ни Китай, ни Иран, ни даже Россия. – Ах, хорошо! – ответил Президент, изменив голос, – неужели это оппозиция? – Вовсе нет, – возразил Нойштадт, – это партия розовых фламандцев. Затем, наливая ему второй бокал мирабели, он добавил: – Прекратите ваши абсурдные реформы, и вы снова обретете свет.

(«Розовые фламандцы» («Les Flamands Roses») – воинственная организация геев и лесбиянок, образовавшаяся в городе Лилль в 1987 году. – прим. перев.)

АВТОРЫ

Тома Флиши, профессор Института политических исследований Бордо, Военно-морской школы, позднее Особой военной школы Сен-Сир, изучал персидский язык в Национальном институте восточных языков и цивилизаций. Бывший выпускник Уорвикского университета, преподаватель университета и доктор юридических наук, специалист по Центральной Азии. Среди его книг нужно отметить: *Stratégies chinoises, le regard jésuite (1582-1773)*, Economica, 2012, *Financial crises and renewal of Empires*, Saint William's University Press, 2012, и *L'Iran au-delà de l'islamisme*, Éditions de l'Aube, 2013. Тома Флиши в настоящее время руководит «Будущими мирами», лабораторией геополитического прогнозирования. Он также является председателем общества *Amis du capitaine Alfred de Vigny* («Друзья капитана Альфреда де Виньи»).

Жан-Мари Хольцингер, выпускник Военной школы Сен-Сир, магистр языков и восточных цивилизаций, специалист по китайско-российским отношениям. Он руководил операциями на Балканах, а еще раньше был советником в Афганистане. Он опубликовал несколько статей в журнале *Défense Nationale*, и в *Connexions* (Partnership for Peace Consortium), и в Интернете. Он также является автором коллективного труда *La Chine, puissance déconcertante*, Economica, 2011.

Жером Пари, выпускник Военной школы Сен-Сир, лауреат Военной школы, бакалавр экономики Даремского университета, офицер Иностранного легиона. Он командовал войсками в Африке и занимал командные должности в НАТО. Жером Пари был одним из руководителей операции «Serval» – французской интервенцией в Мали в 2013 году. Он сотрудничает с группой «Synopsis» Исследовательского центра Школы Сен-Сир (CREC).

Антуан-Луи де Премонвиль, выпускник Особой военной школы Сен-Сир, дипломированный специалист права, политических наук и языков Лионского университета-3 имени Жана Мулена, доктор языков, лингвистики, литературы и искусств. Им недавно была опубликована работа *Chronopathie, la crise mémorielle et ses lois en Espagne de 1931 à nos jours*, ALPM (2012). Он также принимал участие в написании коллективного труда *Opération Serval au Mali. L'intervention française décryptée*, Lavauzelle (2013). Он сотрудничает с группой «Synopsis» Исследовательского центра Школы Сен-Сир (CREC).

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»



Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).